

16+

ЛЮБОВЬ
РЯДОМ
ТОЛЬКО ПРОТЯНИ
РУКУ

Случайная тайна от
ОЛИГАРХА
ЭЛИ ШАРМ

Элли Шарм

Случайная тайна от олигарха

«Автор»

2022

Элли Шарм

Случайная тайна от олигарха / Элли Шарм — «Автор», 2022

Бесприданница, сирота, без гроша в кармане. Отец моего жениха ясно дал понять, для его сына олигарха я не пара. Все, что мне остаётся - это уйти, с гордо поднятой головой. Только ушла я не одна, а с маленькой «тайной» под сердцем...

© Элли Шарм, 2022

© Автор, 2022

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	32
ГЛАВА 9	36
ГЛАВА 10	39
ГЛАВА 11	42
ГЛАВА 12	45
ГЛАВА 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Элли Шарм

Случайная тайна от олигарха

ЧАСТЬ 1

ПРОЛОГ

– Земля вызывает, Мирьям!

Подруга громко щёлкает пальцами перед моим носом, чтобы привлечь внимание, но я не слышу и не вижу никого вокруг. Весь мой мир сосредоточен лишь на одном... Все! Конец света! Свадьбы не будет.

– Не понимаю, что он в ней нашёл? – почти плачу, сжимая длинную ножку изящного фужера, сидя на диванчике в модном клубе Абрау-Дюрсо. – Ну, красивая блондинка... – честно оцениваю достоинства соперницы.

– Там все серьезно, Мирьям, – откликается Наумова, наматывая на палец длинную темную прядь моих волос. Тёмные глаза подруги выражают сочувствие. – Ты меня убьешь, – Катька прикусывает губу, – но Макарова нормальная девчонка.

Поджимаю губы, чувствуя горечь и обиду. Однако злости на Наумову нет. Она всегда говорит обо всем прямо и это мне нравится в ней в первую очередь.

Но как же так? Парень, в которого я с детства влюблена и должна была выйти за него замуж по договоренности родителей, предпочёл мне другую. Безжалостно разорвал все мечты, а главное – располосовал сердце в рваные кровавые лоскуты.

– Ой, глянь! – острый локоть подруги ощутимо ударил меня в бок. – Это что, Давид? Когда он приехал?

Я невольно поморщилась и машинально посмотрела в сторону, куда указывала Катька. Давид Садулаев. Старший брат моего бывшего жениха и... тот, за кого я должна выйти замуж в ближайшем будущем. Ненавижу родителей! И Давида тоже! Ведь мог воспротивиться. Он – мужчина. К его мнению бы прислушались, но он промолчал, дав этим согласие. Традиции превыше всего – так, кажется, он сказал моему отцу.

Юношеский максимализм накрывает с головой, словно цунами, заставляя дёрнуться от возмущения. От этого ярко-клубничный напиток выплеснулся на стеклянный стол. Боль кислотой разъедает душу от того, как родители поступили со мной. Захотели – отдали за одного, потом, как вершители судеб, безжалостно переписали правила игры, наплевав на чувства своей единственной дочери-марионетки, и отдали за другого.

Мой взгляд полыхает злостью, пока я слежу за тем, как Садулаев-старший с грацией хищника, словно пантера, передвигается по клубу, переливающимся неоновыми огоньками. Красивый, высокий, словно несокрушимая скала. Один из самых завидных женихов на юге. Хорошо развитую мускулатуру подчёркивает темно-синяя рубашка и чёрные зауженные брюки в стиле кэжуал. Волевой подбородок, покрытый легкой щетиной, высокие скулы, чёрные волосы. Тёмные глаза делают мужественный образ Давида по-настоящему притягательным.

Когда темные глаза останавливаются на мне, я буквально вижу, как вздрагивает сильное тренированное годами тело. Зрачки мужчины расширяются, кадык опускается по горлу, а затем поднимается.

– И зачем он только вернулся? – неприязненно бурчу себе под нос, игнорируя восхищённое восклицание Катьки.

Та уже поплыла при виде этого идеального образчика мужественности.

Да, я знаю, что нравлюсь Садулаеву-старшему. Я давно замечала на себе взгляд его порочных темных глаз. Меня всегда возмущало это. Как можно ТАК смотреть на невесту брата?! Я помню его, когда была ещё совсем девочкой. Тогда все, что я знала о нем – лишь только то, что Давид учится на управленца и очень редко бывает в родительском доме. Он полностью посвящал себя учебе в одном из престижных московских университетов.

Я уже тогда была без ума от его младшего брата. Синие глаза Максима Садулаева казались мне чем-то божественным, внеземным, поэтому я всегда испуганно вздрагивала, когда видела устремлённый на себя взгляд чёрных глаз его старшего брата. Слишком выразительные, слишком страстные... Казалось, они утягивают куда-то на самое дно – туда, где полно пороков и тайных желаний. Давид Садулаев просто до чёртиков пугал своей мощной энергией.

Сколько я его не видела? Года три? Должно быть, примерно так... Он объявился за пару дней до того, как я узнала, что помолвка с Максом расторгнута. Давид появился, словно один из посланников апокалипсиса. Ненавижу! Поджимаю пухлые губы, но затем делаю последний глоток сладкого напитка и отставляю прочь ставший бесполезным фужер. Голова кружится, язык немеет. Плевать! Зато сердце будто под анестетиком. Мне почти не больно. Так я думаю ровно до того момента, пока не вижу появившегося возле Давида его брата. Несмотря на отчаянный шёпот Катьки, я упрямо поднимаюсь с диванчика и двигаюсь в сторону мужчин. Мне необходимо в последний раз поговорить с Максимом. Может быть, я смогу достучаться до его разума, околдованного этой белобрысой гадиной. Когда оказываюсь напротив братьев, спотыкаюсь на высоченных шпильках. Будь они неладны! Глупо хихикнув, висну на мощной шее Садулаева. Горячие ладони стискивают мою талию, сминая кожу через ткань, сбивая дыхание.

Дразнящий аромат кедра и лимона щекочет чувствительные рецепторы обоняния. Обалденный аромат! Настоящего мужчины... Ухватившись за узкий галстук, поднимаю глаза и тону в чёрных, опущенных густыми ресницами омутках. Никогда раньше не замечала, какие длинные ресницы у... Давида.

– Упс! Перепутала! – шепчу достаточно громко. Можно с уверенностью сказать о том, что меня слышали.

На секунду кайфую при виде вытянувшегося от удивления лица своего новоиспечённого жениха. Через мгновение на широких скулах мужчины начинают играть желваки. Сдерживается. Когда я поворачиваюсь к его брату и кокетливо улыбаюсь, чёрные глаза вспыхивают бешенством.

– Максим, – мило улыбаюсь, игриво прикрывая глаза длинными ресницами. – Не ожидала тебя увидеть. Вот это сюрприз!

Макс сводит тёмные брови на переносице и бросает косой взгляд в сторону старшего брата. Через мгновение синие глаза вновь возвращаются ко мне.

– Привет, Мирьям, – голос спокойный с легкой хрипотцой.

Мне он кажется таким далеким. Покачнувшись, я почти теряю равновесие, но горячие сильные руки успевают обхватить меня за талию. Не и испытывая ни грамма благодарности к спасшему меня от падения Давиду, смотрю преданными глазами хаски на мужчину своей мечты. Максим... Стараюсь смахнуть руки старшего Садулаева, словно надоевшую муху, но терплю поражение. Его настойчивость пугает меня. В конце концов, я ещё не дала согласие на брак и не дам! Зло усмехаюсь. Максим – вот кто навсегда в моем сердце! Мне кажется, что Давид читает мои мысли, потому что его пальцы властно сжимаются на моей талии, доставляя ощутимый дискомфорт. Они прожигают насквозь тонкую ткань моего короткого чёрного платья. Словно желая показать, кто хозяин, он все еще не отпускает меня. Черта с два!

– Пусти! – шиплю разъярённой кошкой, не глядя в лицо мужчине. – Максим, нам надо поговорить!

Я делаю шаг и... Ох, кажется, пара бокалов сладенькой клубничной прелести явно были лишними! Пол буквально начинает уходить из-под ног, а ведь когда я сидела, казалось, что все под контролем. Прикусываю губу, чтобы сосредоточиться, но эта задача оказывается непосильной.

– Мирьям, тебе лучше домой...

Не даю договорить Максиму и жалобно тяну к нему руки, несмотря на стальной обхват ладоней старшего Садулаева.

– Отвези меня домой, – умоляюще прошу, рассчитывая на разговор по душам.

Я почти уверена, что стоит нам остаться наедине и Максим поймёт, какую страшную ошибку совершил. Перед глазами все плывёт, и я словно через плотный слой ваты слышу голос Давида, что-то обсуждающего с братом. Но когда слух улавливает слова «доставить» и «домой», облегченно вздыхаю, повиснув на сильных руках... и без разницы на чьих. Максим согласился меня доставить и – это главное.

Я несколько раз прихожу в себя в темном салоне автомобиля. Тёплый шерстяной плед накинут сверху, что заставляет сонно улыбнуться. Приятно. Максим такой заботливый! Следующее пробуждение застаёт меня, когда сильные руки опускают мое податливое тело на упругий матрас огромной постели. Я сонно шурю, пытаюсь рассмотреть хоть что-то, но слишком темно. Матрас прогибается под приятной тяжестью и моей ноги касается широкая ладонь. Мужчина снимает с моей ноги туфельку и аккуратно почти бесшумно ставит ее на пол, а затем вторую. Прежде, чем я успеваю умилиться таким действиям Максима, вздрагиваю, когда пальцы принимаются ловко массировать мои узкие ступни и пальчики.

– Ммм, – вырывается откуда-то из глубины груди. – Продолжай... – шепчу, откидываясь спиной на подушки.

Боже, да я вся с ног до головы покрылась мурашками! Эти руки явно знают толк в том, как доставить наслаждение. Прикрываю глаза, откровенно постанывая. В голову закрадывается сумасшедшая мысль. А что, если соблазнить Максима?! Он забудет об этой своей балерине! Похоже, мужчина совсем даже и не против моего не высказанного вслух плана. Движения рук становятся все увереннее, все настойчивее. Я даже не заметила, как сильные пальцы оказались на лодыжках. Нежно поглаживая кожу через шёлк тончайших чулок, они двинулись выше – к бёдрам. Я уже не могла оставаться на месте. Извиваясь на широкой постели, я прикусила нижнюю губу и протянула руку вперёд. Мужчина подался ко мне, позволяя пройти ладонью по широкой твёрдой, словно камень, груди и двинуться ниже, к хорошо выраженному прессу. Как только я с трудом расстегнула пару пуговиц, мои пальчики шаловливо нырнули за ткань. Горячая гладкая кожа буквально обожгла меня.

Тяжело выдохнув сквозь зубы, Садулаев принялся задираť мое и без того коротенькое платье. Я покорно позволила поднять материал до самой талии. Он наклонился ниже, покрывая мою шею жаркой цепочкой поцелуев. Впившись в мускулистые плечи, под которыми перекачивались тугие мускулы, глубоко вдохнула будоражащий аромат. Голова так кружится, что мне кажется, что я витаю в облаках.

Чувственный аккорд лимона и ярко выраженные нотки кедра, заставили откинуть назад голову и прошептать в полной тишине:

– Давид.

Мы оба вздрагиваем, как от разряда током. Я проклиная себя на чем свет стоит, понимая, что только что какого-то черта назвала Максима именем его старшего брата.

– Я...

Прежде, чем я успеваю хоть что-то произнести, на мои губы обрушивается полный страсти огненный чувственный поцелуй. Твердые губы ласкают так нежно, что мой промах отходит на второй план.

ГЛАВА 1

– Мирьям...

Настойчивые прикосновения заставляют выгнуться, словно ласковая кошечка под руками любимого хозяина. Хочется быть ближе, теснее к горячему, твёрдому, словно гранит, телу. Восхищаюсь идеальным мужским совершенством. Фигура настоящего атлета. Прикрываю глаза, проводя руками по напряженным перекачивающимся под кожей мускулам. Мне кажется, я почти мурлычу – так хорошо от настойчивых поглаживаний широких ладоней, что неторопливо скользят, огибая бока и спускаясь ниже, к талии. Как на зло, перед глазами то и дело проскальзывает образ Давида. Его темные глаза как будто проникли в душу, отравили ядом своего порочного взгляда и теперь не желают выпускать из плена. Пытаюсь представить синие глаза Максима, чтобы хоть как-то избавиться от этого наваждения под названием Давид, но... тщетно! Я все так же, словно наяву, вижу лишь только ониксовые, наглые, дерзкие, темные, как ночь, глаза старшего из братьев Садулаевых.

Да что же это, в самом деле?! Вот дура! Злюсь, психую, но никак не могу избавиться от этой странной напасти. Да он же мне никогда даже не нравился! Его самоуверенность бесила до трясушки. Его красивое волевое лицо вызывало желание отвернуться, лишь бы не ловить на себе пронзительный сбивающий с толку взгляд. Чувственные губы и вовсе вызвали лишь одно желание... стереть с них эту наглую ухмылочку! Считает, что он хозяин всего, даже этого чертога города! Думает, раз полжизни прожил в Москве, то выше нас – провинциалов. Так почему же мои мысли крутятся вокруг этого выскочки? Все это похоже на бред! Какой-то сладкий бред...

Стону, подставляя губы для очередного жадного страстного поцелуя. Мужчина терзает меня все больше и больше, углубляя жаркий будоражащий поцелуй. Плавлюсь, растекаюсь лужицей под тяжелым натренированным телом. Запускаю пальцы в шелковистые черные, как смоль, волосы. Провожу ногтями по затылку мужчины, и мое ухо опалает горячее дыхание. Мне нравится, как ходит ходуном широкая грудная клетка. Ведь это я вызвала в этом красавце такой шквал эмоций.

– Хочу тебя видеть, кошечка моя, чувствовать под собой, – острые зубы прикусывают мочку уха, посылая сладкую истому по всему телу.

Позволяю сорвать с себя все, что встало на пути мужчины к трепещущей плоти. Во мне просыпается какая-то женская гордость за себя, за то, что могу свести с ума, заставить дрожать от нетерпения это крупного сильного мужчину. Прикусываю нижнюю губу, когда слышу звук поспешно расстегиваемой на джинсах молнии. По шороху понимаю, что Садулаев избавился от штанов и они больше не преграда. Прежде, чем успею испугаться или передумать, он ложится сверху и ставит локти по обе стороны от моей головы, чтобы не придавить своим весом. Все! В ловушке. В сладком плену... Затем следует безумный нежно-сладостный поцелуй, от которого слетают все барьеры и запреты. Хаотично глажу широкую спину, царапаю гладкую кожу. Как хорошо! Разве так бывает?! В голову приходит дурная мысль: и почему я раньше этого не сделала? Если бы только я знала... Голова мечется по подушке. Длинные темные пряди моих волос рекой растекаются по белоснежной наволочке. Мысли уже давно уплыли, покинули мое разгоряченное тело, на котором так искусно «играет» Садулаев. Он словно виртуозный музыкант, перебирающий струны гитары, дразнит и изучает опытными пальцами каждую частичку моего тела.

– Еще! – молю. – Только не останавливайся!

Ещё одно мгновение сладкого дурмана и меня как будто скидывают с небес на грешную землю. Сильная резкая боль растекается по бёдрам, поднимаясь вверх к животу. Она застав-

ляет задохнуться. Вскрикиваю в шоке, лихорадочно пытаюсь выбраться из крепких объятий, что уже кажутся медвежьим капканом. Он не дает двинуться, продолжая «пытать» своей любовью, что так восхваляют в фильмах. Несколько минут боли растягиваются в бесконечный ад. Когда пытка окончена, я почти плачу от облегчения. Пытаюсь вновь оттолкнуть мужчину, но он не сдвигается и на миллиметр.

– Подожди, милая, а то будет больнее, – слышится наконец сквозь мои стенания хриплый обеспокоенный голос Давида. – Глупышка! Почему не сказала мне, что девственница? – в голосе мужчины отчетливо слышно сожаление.

Между тем, я успеваю чутко уловить и что-то похожее на гордость. То, что стал первым... Единственным завоевателем этой неприступной крепости. Реальность, словно бетонная плита, с размаху обрушивается на меня сверху. Даже откуда-то берутся силы, чтобы достаточно ощутимо ударить кулачком по широкому неподатливому плечу. Все, что мне хочется в этом момент, чтобы эта махина слезла меня и избавила от раздирающей боли.

– Пусти меня!

На смену шоку приходит осознание катастрофы случившегося. Тянусь к выключателю. Комнату заполняет мягкий тёплый свет. Замираю у изголовья кровати, смотрю затравленным зверьком. Глаза размером с блюдца направлены на... Давида Садулаева. Чёрные, слово у самого дьявола, глаза глядят на меня настороженно, словно не зная, чего ожидать. Длинные смоляные ресницы дрогнули, и взгляд мужчины переместился с лица на мою грудь. Тяжело дыша, дёргаю на себя простынь нежно-кремового цвета, чтобы хоть как-то прикрыть дрожащее от пережитого тело от горящего взгляда Садулаева.

– Ты... ты... – с саднящих, искусанных до крови губ слетают

возмущённые нечленораздельные звуки.

Не могу взять себя в руки. Меня буквально трясет! Не получается протолкнуть и на миллиметр ком обиды и возмущения в горле. Так глупо отдала свой «цветочек»! Еще и этому... гаду! Мирьям Юсупова, ты дура! Нет, трижды дура! А он, он...

– Сволочь! – злые слезы брызжут из глаз, щеки лихорадочно горят, заливаясь алой краской.

– Ты сама хотела, – на широких скулах напрягаются желваки. – Вот не надо только меня обвинять в своих желаниях, крошка, – грубит это наглое животное, с идеальным лицом и такой гадкой подлой душой!

Он совершенно не стесняется своей наготы. Расслабленно откинувшись на подушки, продолжает разглядывать меня, словно я – его собственность!

– Не правда! – истерично кричу, презрительно кривя губы. – Я думала, что со мной Максим. Понятно тебе?

Давид дергается так, словно получил пощечину. Взгляд становится острым, как осколок стекла – того и гляди порежет, исполосует. Лицо кривится в раздражении. Ему не нравится, что я упомянула имя его младшего брата.

– Врешь, дрянная девчонка! – злится Садулаев, почти теряя свое хваленое хладнокровие.

Поза больше не такая расслабленная, как прежде. Так тебе, козел! Приоткрывает белоснежные зубы в едкой улыбке.

– Молила меня, просила не останавливаться, – уголок губ насмешливо кривится. – Звала по имени!

– Я была не в себе! – зажимаю уши, чтобы не слышать его хриплый баритон.

Простынь падает на пол, вновь открывая взгляду Давида мое нагое тело. Опомившись, подбираю ее и, словно защищаясь, выставляю вперед ладонь, а другой прижимаю простынь к груди. Всхлипываю жалобно, ощущая тупую накатывающую боль.

– Какая же ты сволочь!

Давид лениво приподнимает соболиную бровь.

– Ты злишься, моя кошечка, потому что не получила желаемое.

Я смотрю на Садулаева, широко раскрыв глаза. Он что, издевается?! Да я... я убью его!

– Иди ко мне, Мирьям, я улажу это недоразумение.

Наклоняюсь вперед и сквозь слезы цежу:

– Я все расскажу отцу! – угрожаю, сканируя его лицо, с надеждой найти там хоть небольшой намек на страх, хоть толику раскаянья.

Вместо ожидаемого мною, этот невыносимый человек хрипло смеется. Смотрит на меня собственническим взглядом, словно лаская, глядя против шерсти.

– Тогда наша свадьба состоится еще быстрее. Отличный план, моя кошечка. Одобряю, – хвалит насмешливо Давид. В черных глазах плещется ничем не прикрытое веселье.

– Ненавижу! – крылья носа раздуваются.

Я вся трепещу от злости. В первую очередь на себя, из-за своей глупости. Сама себе вырыла яму! Давид прав, если отец узнает, нас тут же поженят. Боже! Дура!

– Не понимаю откуда такая ненависть ко мне, Мирьям? – впервые голос Давида серьезный. В нем слышится что-то похожее на...

Обрываю себя. Такие, как он, не могут испытывать человеческие чувства. Чертова равнодушная машина!

– Ты станешь моей женой и...

– Не стану! – запальчиво шиплю, вскакивая с большой двуспальной кровати.

Двигаюсь боком, словно краб, в сторону стула, на котором повисло скомканное до безобразия черное коктейльное платье. С досадой прикусив губу, нахожу взглядом на полу лишь только один чулок. Вспыхнув, наконец, замечаю возле мускулистой ноги Давида черный кусочек ткани. А вот и второй... Лучше отрублю себе руку, чем подойду к нему ближе!

Будто наслаждаясь моим смущением, Давид не сводит с меня глаз.

– Мирьям?

Рассерженно сверкаю глазами. Один его голос выводит меня из себя!

– Что еще?

Давид прищуривает глаза, будто довольный кот, наевшийся сливок. Руки закинута за голову, мускулистые бедра прикрывает лишь такая ткань простыни.

– Позвони мне сразу, как только узнаешь.

– Что узнаю? – словно предчувствуя катастрофу, напрягаюсь всем телом. Смотрю на него настороженно, не понимая, о чем вообще идет речь. По-любому сейчас скажет какую-то гадость.

– Если забеременеешь.

Смотрю на него, открыв рот, не веря своим ушам. Мне кажется, еще чуть-чуть и я задохнусь, словно рыба, выброшенная на берег. О, нет! Только не это! Я погибла...

– Как ты мог?! – мне хочется кинуться вперед и выцарапать эти наглые дьявольские глаза.

Но я не делаю этого. Что-то подсказывает мне, что второй раз этот мужчина не позволит мне покинуть постель. Натягиваю поспешно платье, хватаю в руку туфли на огромной «шпильке». Уже возле двери слышу хриловатый голос:

– Ты оказалась такая сладенькая. Прости, крошка, я не удержался.

Меня будто ударили хлыстом по обнаженной спине, заставляя поспешно дернуть на себя ручку двери. Выскакивая в коридор, напоследок кидаю хлесткое «ненавижу»

– Беги, трусиха! Только вот от своих желаний далеко не убежишь, Мирьям. Ты моя!

ГЛАВА 2

Мирьям

Вяло вожу вилкой в своей полупустой тарелке. Не люблю завтракать. Ничего не лезет. Проклятый Садулаев! Из-за него я прорыдала почти полночи. И речь идёт совсем не о Максиме. Давид – вот кто виновник моего плохого самочувствия. Помимо душевной боли меня терзала еще и достаточно ощутимая физическая. Низ живота болел не переставая, пока я не выпила целых две таблетки сильнодействующих обезболивающих. После «веселой» ночи я не нашла в себе сил накраситься, только слегка провела пару раз тушью по ресницам. Ничего не хочется – ни есть, ни пить. Даже перспектива увидеть Максима абсолютно не радует. Ну, почти не радует. Максима я всегда рада видеть.

Сколько безразличным взглядом по просторной гостиной Садулаевых. Мама, как всегда, после ссоры с отцом потащила меня к своей лучшей подруге тете Динаре. Громко вздыхаю. Нет, я очень уважаю Динару Исаевну и всегда рада побывать у Садулаевых в гостях, но сейчас мне так тошно и плохо на душе, что все, чего я хочу – это лежать в своей комнате. Смотреть в потолок, мечтать о том, чтобы было бы, если бы Максим не встретил свою Ангелину. Но маме сейчас хуже, чем мне, поэтому я безропотно согласилась составить ей компанию.

Ни для кого не секрет, что отец нашёл себе любовницу, какую-то секретутку-блондинку. Грустно хмыкаю. Все мужики – козлы! Вот и Максим спутался с белобрысой девицей, наплевал на все обычаи и договорённости. Морщусь, думая об Ангелине Макаровой. Какими тайными знаниями она обладает? Как сумела так быстро покорить сердце Максима Садулаева? Приворот? Магия? ЧТО?! Ведьма! Поджимаю губы, думая о том, с каким наслаждением повырывала бы с корнем белокурые пряди из бестолковой головы блондинки.

– Надеюсь, это прелестное личико не из-за меня имеет такое кровожадное выражение?

Хриплый насмешливый голос заставляет дёрнуться и разлить горячий чай на стол, прямо на дорогую фирменную скатерть. Давид. Кидаю уничтожающий полный признания взгляд на молодого человека, после чего капризно кривлю губы и закатываю глаза.

Как всегда, Садулаев-старший одет с иголочки и это даже несмотря на то, что он в домашней одежде. Не могу не отметить, что ему очень идут серые штаны кежуал, а белая футболка выгодно подчёркивает смуглый цвет кожи. Интересно у него загар или же... Краснею, вспомнив, что когда он был обнаженным, я не заметила никаких границ загара. Значит, это цвет его кожи. Волосы цвета ворона крыла влажные, блестят... Должно быть, после утреннего душа. Уголок губ мужчины слегка дёргается, словно он пытается сдержать рвущуюся наружу улыбку.

– Ну, так? – повторяет настойчиво, останавливаясь напротив меня. Давид прячет руки в карманы, от чего дельтовидные мышцы внушительно напрягаются, притягивая взгляд.

– Не понимаю, о чем ты, – бурчу, опуская взгляд на свою чашку, преувеличенно медленно мешаю ложкой горячий напиток. Это лишь способ занять себя чем-то, ведь я прекрасно знаю, что там нет ни грамма сахара.

Несмотря на мои мольбы о том, чтобы Садулаева поразила молния или Давид провалился в ад, мужчина все же присаживается за стол напротив меня. Брюнет спокойно берет остывший, поджаренный хрустящий тост и принимается намазывать его маслом, а затем щедро поливает клубничным джемом.

– Будешь?

Упрямо молчу. Не хочу никаких разговоров. Бесит! Сидит и ест, как ни в чем ни бывало, а мне и крошка в горло не лезет. Выглядит так невозмутимо, будто это и не он вовсе лишил меня невинности прошлой ночью. Соплю, делая глоток чая. Бесчувственный. Подлый...

– Сказала отцу? – нарушает тишину Давид, заставляя меня вскинуть взгляд слегка припухших от слез глаз.

– Что? – но тут же вспыхиваю, припомнив наш последний разговор.

– То, что я лишил тебя девственности, – поясняет так, как будто мы ведем светскую беседу, обсуждая который час.

Осел!

– Только попробуй кому-нибудь сказать, – цежу угрожающе сквозь зубы. – Или, я клянусь...

– Мне вот интересно, – проводит задумчиво пальцами по подбородку, сузив темные глаза, – как бы ты объяснила Максиму, что он у тебя не первый? Ну, разумеется, если бы он обратил на тебя внимание.

Я на физическом уровне чувствую, как от лица отхлынула почти вся кровь. «Если бы обратил на тебя внимание...» Как же больно слышать эти слова! Тем не менее, наклоняюсь вперед, не отводя взгляда зеленых глаз от красивого лица мерзавца.

– Мне НЕ ПОРАВИЛОСЬ, – чеканю грубо. – Я уверена, Максим поможет мне забыть этот кошмар.

Давид сжимает челюсти так крепко, что я почти слышу скрип его зубов.

– Послушай, Мирьям, у меня никогда не было девственниц, но я знаю, что первый раз для девушки не всегда...

– Бедные твои женщины, – перебиваю, не желая слушать о его подстилках. И не дай Бог, он вздумает сравнивать меня с кем-то! – Никогда не буду твоей женой!

На широких скулах мужчины начинают перекатываться желваки. Он в бешенстве!

Кажется, я все же смогла вывести его из себя. Кивает на фарфоровую чашку в моих руках.

– Если бы ты была моей женой, я бы добавил в твой чай яд, – цедит, глядя на меня из-под бровей.

Что, злишься, милый? Хочешь задеть? После восемнадцати лет жизни с моим папашей – это не твой уровень, дорогой! Поднимаю высокомерно бровь.

– Если бы ты был моим мужем, я бы его с удовольствием выпила.

Шах и мат, Садулаев!

Смотрим друг на друга так, как будто мы – дикие животные – хищники, готовые броситься и разорвать друг друга в клочья. Мы словно меряемся силами. Кто кого... Это длится ровно до того момента, пока я боковым зрением не замечаю движение и негромкий полный восторга голос Динары Исаевны.

– Иншааллах! Как же они хорошо смотрятся! Ты только взгляни, Оль.

Мы с Давидом словно по команде поворачиваемся в сторону вошедших, растягивая губы в улыбке. Динара Исаевна и моя мама смотрят на нас будто на двух влюбленных белокрылых лебедей, плавающих в пруду. Боже, какая гадость!

ГЛАВА 3

– Мирьям, милая, может быть, омлет или творожные блинчики? – Динара Исаевна доброжелательно заглядывает в глаза, пододвигая ближе изящное фарфоровое блюдо с разнообразными ароматными угощениями.

Окидываю безразличным взглядом аппетитные на вид пирог на пару и еле нахожу в себе силы вежливо улыбнуться хозяйке усадьбы.

– Нет, спасибо. Я сыта.

Бросаю искоса недружелюбный взгляд в сторону сидящего напротив Давида. Я и впрямь сыта по горло – во всех смыслах этого слова! Старший сын Садулаевых выглядит совершенно невозмутимо, ни дать ни взять – истинный джентльмен. Почти слышу скрип своих зубов, но упорно продолжаю держать покер-фейс.

– Как же замечательно, – продолжает хозяйка дома, не замечая витающего в воздухе напряжения, что ощущается почти на физическом уровне, – сидим, как большая дружная семья, только вот Максута с Ангелиной не хватает, – сокрушается женщина.

Динара Исаевна продолжает щебетать о том, что мечта сбылась, и Всевышний подарил ее сыновьям чудесных будущих жён, а ей невесток. Каждое произнесенное женщиной слово – изощренная пытка.словно огромная раскалённая цыганская игла пронзает раз за разом сердце. Нет! Вру... намного хуже. Мне кажется, что с меня изощренно сдирают кожу. Эпителий за эпителием, слой за слоем, заставляя трепетать чувствительную плоть в агонии. Такое ощущение, что каждый входящий в мое окружение человек хочет показать и доказать, как счастлив Максут со своей Ангелиной.

А как же я?! Обо мне хоть кто-нибудь подумал?! Ведь мы с Максутом были помолвлены несколько лет! Я с юности грезил о том, что в один из прекрасных дней он станет моим законным мужем. Теперь же все с завидным спокойствием и невозмутимостью делают вид, что вовсе и не было никаких договоренностей. Недовольно сжожу брови на переносице. Какой-то самый настоящий газлайтинг*!

– Давид, ты уже решил, куда повезешь Мирьям в свадебное путешествие? – интересуется моя мама, откидывая на плечо густую гриву каштановых волос.

Полный любопытства голос мамы заставляет меня поморщиться, что не остаётся незамеченным моим будущим мужем. Хочется съязвить, что никуда с ним не поеду, но вовремя прикусываю язык, когда вижу, что впервые за несколько дней уставший взгляд мамочки зажегся живым интересом.

– Думаю, в Африку, – шокирует наповал своим ответом Давид и, похоже, не только меня.

Судя по удивленному возгласу Динары Садулаевой, женщина удивлена не меньше моего.

– Там замечательное сафари, – невозмутимо продолжает брюнет, откусывая кусочек хрустящего поджаренного со всех сторон тоста. – Лучшая охота на слонов в самом сердце Непала. Мирьям, ты привита от малярии?

Застываю за столом, превращаясь в гипсовую статую. Какая же он сволочь! Какой нормальный мужчина повезёт девушку в свадебное путешествие в Африку?! Крылья носа трепещут от негодования и обиды. Глаза заволокла пелена злых слез. Всегда мечтала побывать в Венеции. Только вот в моих девичьих грезах рядом со мной находился Максут. За что мне все это?! Бросаю полный ненависти взгляд на Садулаева, поверх остывшей чашки с крепким чаем и тут же тону в чёрных глазах, в которых плещется ничем не прикрытое веселье. Садист! Придурок!

– Сынок, а это не чересчур... э-эм... экстравагантно? – замечает с осторожностью Динара Исаевна. Она неловко передергивает плечами, прежде чем продолжить: – Может быть, Мирьям

хочет во Францию? – хозяйка усадьбы явно крайне обескуражена выбором своего старшего отпрыска. Красиво оформленные брови женщины вопросительно изогнуты.

– Мирьям, ты хочешь в Париж? – лениво откидываясь на спинку резного итальянского стула, спрашивает у меня Давид. Брюнет расплывается в широкой белоснежной улыбке.

Это сбивает меня с толку, заставляет сердце пропустить очередной удар. И почему я раньше никогда не замечала на покрытых легкой щетиной щеках Садулаева эти обаятельные ямочки?

– О, милая! Там так хорошо, – восклицает Динара Исаевна. Темно-карие тщательно подведенные глаза женщины вспыхивают каким-то мягким внутренним сиянием. – Париж... как много у меня о нем воспоминаний. Ведь именно там муж мне сделал самый дорогой сердцу подарок.

– Какой? – спрашиваю из вежливости, опуская чайную ложечку в кружку, лишь бы занять хоть чем-то руки.

– Приехали мы в Париж вдвоем, – продолжает улыбаться загадочно Динара, – а вот вернулись втроем. Мягкий смех слетает с ее полных губ.

– Как это? – срывается с губ, прежде чем успеваю подумать. Заливаюсь густым горячим румянцем, когда догадываюсь, на что намекает хозяйка усадьбы.

– Первый ребенок – это так волнительно, – продолжает Динара Исаевна, не замечая моей неловкости. – Как сейчас помню, не могла найти себе места от счастья. Сын! Наследник.

– Да, непередаваемые чувства, – подхватывает разговор мама, задумчиво прокручивая золотой браслет, на тонком покрытом искусственным загаром запястье. – Золотые времена.

– Как же время быстро летит, – искренне сокрушается Динара. – Помню себя совсем молоденькой невестой, как мы гуляли с Мансуром под ручку вдоль узких улочек Бонн- Нувель и вот – я уже скоро стану бабушкой.

Время как будто останавливается. Все, что я вижу – это обеспокоенное лицо Давида. В его черных глазах больше нет так возмущивших меня искр веселья. Красиво очерченные губы плотно поджаты, а на скулах перекатываются желваки.

– Да ты что? – удивляется моя мама, не скрывая эмоций. – Ангелина беременна?

Я почти на физическом уровне чувствую, как вся кровь отхлынула от лица. Резко поворачиваюсь к Динаре Исаевне и, словно мазохист, как губка, впитываю каждое неосторожно брошенное слово. Где-то глубоко внутри клокочет и поднимается самая настоящая паника. На лбу выступил холодный пот, будто маленькие прозрачные бисеринки. Это же не может быть правдой?! Бред! Это ошибка!

– Да, я скоро стану бабушкой, – сияя темно-кариими глазами, Динара Исаевна смеется приятным переливчатым, словно колокольчик, смехом. – Оль, не могу передать словами, как я рада!

Я уже ничего не слышу. В ушах, словно наяву, звучит громкий оглушающий похоронный марш. Между прочим, исполнение которого будет покруче, чем у самого Фредерика Шопена. Мечты срываются, летят куда-то в пропасть и разбиваются вдребезги на мелкие, острые, окровавленные осколки. Все кончено. Максут не бросит эту белобрысую дрянь, которая наверняка забеременела специально. Я уверена, что так и было. Коварная ведьма одурманила своими лживыми сказками моего Максута! Заморочила голову... Уголки губ скорбно опускаются, когда я понимаю, что Садулаев останется с Макаровой. Он не из тех, кто может бросить своего ребёнка. Мне бесконечно обидно за себя, когда вижу, как моя мама, благосклонно улыбаясь, расспрашивает Динару Исаевну о состоянии здоровья Ангелины Макаровой. В груди жжет от предательства. Ведь все эти дни я поддерживала ее, как могла, а она...

– Помню, когда носила Мирьям, испытывала непреодолимую слабость к горькому шоколаду, – смеется мама, с улыбкой качая головой, – вот тогда-то Руслан и предложил назвать дочку этим именем. Горькая...

Суставы пальцев пронзает острая боль. Я опускаю взгляд и только сейчас замечаю, как крепко сжала серебряную вилку, которая до этого лежала рядом с моей пустой тарелкой. Ком тошноты неотвратимо подкатывает к горлу. И правда – горькая. Судьба моя горькая.

– Извините, я выйду, – сама удивляюсь тому, как спокойно произнесла эти слова не дрогнувшим голосом.

Несколько пар глаз обращаются в мою сторону. С губ мамы медленно сползает улыбка, а на лбу появляется продольная морщинка. Ведь предупреждала ее, что нельзя пропускать ни одной процедуры филлеров по графику. Боже, о чем я только думаю?! У Максима будет ребенок, а значит, он спал с этой... целовал ее, ласкал... Перед тем, как выскочить из-за стола, у меня из груди вырывается громкий всхлип. Такой жалкий, что, не смея поднять глаз, я несусь мимо Давида, нечаянно задевая ногой стул. Отлично! Теперь будет синяк. Но боль в ноге не идет совершенно ни в какое сравнение с тем, что я чувствую.

Только меня не сломить. Я уже давно знаю, что такое боль. Сначала тебе кажется, что ты просто не в силах вынести ее, а на деле привыкаешь ко всему. Даже к пожару в груди, пламя которого, танцуя и извиваясь, раз за разом лижет истосковавшееся сердце. Сколько раз Катя говорила, что я люблю не Максима, а само чувство влюбленности, но я не согласна! Следуя такой логике, объектом моего обожания мог бы стать любой... тот же Давид. Смахиваю поспешно соленые слезы со щек и быстро поднимаюсь по крутой мраморной лестнице. Еще не хватало, чтобы меня увидел кто-нибудь из прислуги. Мирьям Юсупова при любом жизненном раскладе должна оставаться на высоте.

На втором этаже растерянно замираю у двери гостевой спальни. Воспоминания о проведенной с Давидом ночи обрушиваются, словно безжалостный кулак боксера. Как он тогда сказал мне перед тем, как я, выскочив в коридор, напоследок кинула хлесткое «ненавижу»?

«Беги, трусиха! Только вот от своих желаний далеко не убежишь, Мирьям. Ты моя!»

Переступаю несмело порог спальни и непроизвольно сразу же отыскиваю глазами большую двуспальную кровать. При свете дня все кажется совсем другим. Будто ничего и не было ночью между мной и Давидом Садулаевым. Но стоит присесть на светло-бежевое покрывало, как моих чувствительных рецепторов касается еле ощутимый дух аромата кедра. Перед глазами сразу же появляется образ Давида, но я без сожаления отбрасываю его прочь. Хочу все забыть! Это была самая дикая и непростительная ошибка в моей жизни.

Вытянув вперед ушибленную ногу, принимаюсь с пристрастием разглядывать бордовую припухлость на коже ниже колена. Легкий скрип двери заставил меня вздрогнуть от неожиданности и поспешно опустить пониже подол легкого платья цвета словной кости. Упрямо смотрю в сторону окна, пока не ощущаю едва заметное прикосновение мужской ладони к своим распущенным темным волосам. Ласка настолько невесомая, что на мгновение я даже задумываюсь о том, что мне это почудилось. Ноздри трепещут, когда ощущаю рядом уже более выраженный аромат кедра и лимона. Я поднимаю голову и снизу вверх смотрю на подошедшего ко мне вплотную Давида.

– Где болит? – хриплый голос брюнета звучит мягко и сочувственно.

Крепкие пальцы властно обхватывают мой подбородок, и мне ничего не остается, как посмотреть прямо в агатовые глаза. Мне так плохо, что почти не стыдно, что мужчина вот-вот увидит мои готовые пролиться слезы. Большой палец нежно ласкает дрожащий подбородок, и я решаюсь ответить.

– Там, где никому не видно, – тихо шепчу, ощущая, как тут же по щеке медленно ползет крупная, словно прозрачный кристаллик, слеза.

Я вижу, как на скулах Давида перекатываются желваки. Он медленно проводит пальцем по чувствительной коже моей щеки, смахивая соленую слезу.

– Мирьям...

– Почему, Давид? – спрашиваю прерывающимся от полноты чувств голосом у брюнета. – Почему любовь забыла обо мне?

Садулаев смотрит в мои глаза как-то по-мужски уверенно.

– Ты просто не хочешь ее замечать, Мирьям, – низкий баритон Давида ласкает слух. – Любовь рядом – только протяни руку.

ГЛАВА 4

Резким движением скидываю со своего подбородка пальцы Давида и порывисто встаю с кровати. Меня до дрожи смущает то, какие я испытываю чувства, когда шершавые подушечки его пальцев ласкают кожу моей заалевшей щеки. Так нежно, так чувственно... Вскидываю голову, чтобы посмотреть на Давида. Меня буквально пронзает током, когда мужчина на мгновение переводит взгляд с моих глаз на слегка тронутые нежно-коралловым блеском губы. С растерянностью отмечаю, что Садулаев такой высокий, что я едва достаю ему до плеча. Настоящая гора! Несмотря на негативные чувства, пожирающие меня изнутри, я вдруг с удивлением осознаю, что рядом с ним чувствую себя по-настоящему хрупкой и женственной. Вижу в черных, как кофе, глазах мужчины что-то похожее на восхищение и обожание. Давид, словно касаясь, скользит взглядом по чертам моего лица и останавливается на разметающихся шелковистым потоком прядях волос.

– Я больше не верю в любовь! – срывается с моих дрожащих губ.

Прежде, чем я продолжаю, меня неожиданно пронзает догадка. Широко распахнув глаза, я смотрю в лицо Давиду.

– Ты ведь знал, да? Знал о том, что Макарова беременна от Максута? – мне с трудом дается каждое слово. В горле будто застрял ком, который не то, что говорить, – он дышать мешает.

Давид молчит, но его взгляд красноречив, как никогда. Боже, он знал! Все они знали... Одна я – дура. Глупая, наивная, доверчивая. Господи, ну почему?!

– Почему ты ничего не сказал мне раньше? – требую ответа от Садулаева.

Он пожимает широкими плечами, а затем нервно проводит пятерней по волосам цвета ворона крыла.

– Я, в отличие от тебя, не стремлюсь и не желаю причинить боль, Мирьям. Правда заключается в том, что я не хотел тебя огорчать.

– Не желаешь огорчать, значит? – саркастически хмыкаю, сузив глаза. Дерзко поднимаю подбородок, от чего мои длинные серьги с бриллиантами колышутся. – А для чего тогда собираешься потащить меня в Африку? В этот дурацкий Непал...

Всю злость и разочарование я щедро выливаю на Давида.

Он усмехается, высоко приподнимая одну из густых бровей. Садулаев выглядит так, как будто одновременно удивлен и заинтригован.

– Милая моя, а тебя не смущает, что республика Непал расположена не в Африке, а в Азии?

Мои щеки вспыхивают алым румянцем, когда я в полной мере осознаю свой промах, но на смену смущению поднимается волна негодования.

– Как часто ты прогуливаешь университет, Мирьям? – голос Давида стал серьезным и настойчивым. – Отец в курсе, что у тебя проблемы с посещением и успеваемостью?

У меня от страха перехватывает дыхание. Откуда он узнал?! Это просто невозможно, если только... ОН следил за мной! Да ну! Нет, не может быть. Зачем ему это? Ведь я все это время была невестой Максута. Прикусываю губу, лихорадочно думая, как выкрутиться из этого вдруг ставшего опасным диалога. Если отец узнает... Вдоль позвоночника пробегает холодок. Мне очень хочется обхватить себя руками за плечи в защитном жесте, но сдерживаюсь.

– Я болела! – поспешно подхожу к окну, что занимает почти всю стену гостевой комнаты и поворачиваюсь спиной к Давиду.

Так будет проще лгать, с отцом всегда прокатывается. Взгляд лихорадочно скользит по великолепному ухоженному цветнику Динары Исаевны.

– Мне... мне... было не хорошо. И я... – сочиняю на ходу басню для «жениха».

– ...отправилась в клуб, – хмыкнув, продолжает за меня Давид. – Врать не хорошо, кошечка, – кидает небрежно в мою сторону Садулаев, заставляя непроизвольно обернуться, – а лазить через окно и вовсе опасно.

Кошечка... Так он называл меня ночью, когда мы были вместе. Краснею под внимательным взглядом. Губы непроизвольно приоткрываются, когда я словно наяву ощущаю скольжение шершавых подушечек мужских пальцев по своей гладкой коже.

«Черт! Так, значит, он в курсе насчет того эпизода с днём рождения лучшей подруги, но, наверняка, не знает про другие», – успокаиваю себя в надежде, что Садулаеву сообщили об этом инциденте общие знакомые.

Недовольно поджимаю пухлые губы и вновь отворачиваюсь к окну.

– Я не вру. У меня было воспаление, Давид. По-женски! – добавляю, желая смутить мужчину подробностями.

Они же такие чувствительные, когда дело касается женских недомоганий. Прячу улыбку, представляя, как Давид отступит и закроет тему. Но о чем это я?! Садулаев взрослый мужчина, а не зелёный юнец с моего потока. Его не так-то просто смутить. Нервно трогаю тоненький ремешок, обвивающий мою талию. Боже, хоть бы поверил! Не хватало ещё пробоем с отцом! Я ведь и правда злостная прогульщица.

– Воспаление? – переспрашивает он.

Я буквально чувствую, как чувственные губы Давида растягиваются в скептической улыбке.

– Ну, если только воспаление хитрости, милая.

Не выдерживаю этого спокойного тона и завожусь с полуоборота. Оттолкнувшись от подоконника, преодолеваю быстрым шагом расстояние между нами.

– Какого черта, Садулаев?! – восклицаю, складывая руки на груди, и замечаю, что взгляд Давида от моего движения опускается ниже – к вырезу платья.

Чтобы он не пялился, куда не следует, раздраженно перекидаю тяжёлую копну волос на плечо, прикрывая бурно вздымающуюся от злости грудь.

– Зачем ты следишь за мной? Что тебе надо?! – кидаю в него вопросы, словно остро заточенные кинжалы.

– Я просто беспокоюсь о тебе. Что в этом такого? Если забыла, напоминаю, что ты – моя будущая жена.

– Это не значит, что за мной надо шпионить? – бубню, слегка тушуясь под взглядом темных глаз. – Давид...

За секунду меняю выражение лица, делая совершенно невинный взгляд. Хлопаю ресницами, приоткрываю губы. Я знаю, что они у меня красивые. Далеко ни один поклонник восхищался ими и почти писал оды их волнующей форме, похожей на лук Купидона. Руки тянутся к вырезу его рубашки, и я делаю вид, что заботливо поправляю верхнюю пуговицу.

Давид тяжело сглатывает, когда я нежно провожу ладонями по хорошо выраженным мышцам, что читаются под тонкой тканью рубашки. Кажется, у Садулаева, как и у любого мужчины, есть ахиллесова пята.

– Что, Мирьям?

Когда хриплый голос касается моего слуха, ощущаю, с какой силой колотится сердце Давида о рёбра. Привстаю на цыпочки и жалобно тяну:

– Ты ведь ничего не расскажешь моему отцу? Пожалуйста, Давид, – смотрю на него умоляющими глазами – такими, как у кота из мультика «Шрек».

Уголок губ Садулаева еле заметно дергается, и на его лице появляется обаятельная бело-зубая улыбка.

– Мирьям, Мирьям... – качает, усмехаясь, головой.

Впервые вижу, чтобы Давид смеялся. Такой приятный смех, низкий с хрипотцой. Замечаю, что в отражении его глаз горят золотистые искорки, смягчая суровый мужественный образ.

Давид перехватывает мои беспокойные руки у себя на груди и тянет одну ладонь к своим губам.

Затаив дыхание смотрю, как твердые мужские губы опаляют чувствительную кожу кисти. Следующие слова Садулаева заставляют меня буквально взвиться.

– Я бы с радостью, но... боюсь, не могу промолчать, – Давид выпускает мою руку из широкой ладони и скучающим тоном продолжает: – А как ты думала? Меня волнует твоё образование. Ты же будущая мать моих детей.

Как только он это произносит, вся напускная покорность маскарадной маской слетает с моего лица.

– Ты, – цежу сквозь зубы, прищурив яростно сверкающие зеленые глаза, – высокомерный, гадкий...

– Противный, невыносимый... Мирьям, ты начинаешь повторяться, – осаживает меня Давид, заставляя проглотить именно те эпитеты, которые он произнес. Эти слова уже готовы были сорваться с моих губ. – Придумай что-нибудь другое, милая.

Это заставляет меня на секунду задуматься. Неужели я так предсказуема, что Садулаев уже заранее знает, что я произнесу? Или я так часто говорю то, чему не придаю значения и чего даже потом не помню?

– Извини, – бурчу, прикусив язык и понимая, что сейчас совсем не время спорить с тем, кто спалил меня и может сдать родителям. – Просто не говори и все, хорошо? Что тебе стоит, Давид?

– Не знаю даже. Для чего мне это, Мирьям? – спрашивает он, играя со мной, словно кот с мышкой. – Ты меня явно не жалуешь, к тому же...

– Я же попросила прощения! – обрываю резко высокомерным тоном. Свожу брови на переносице. – Не понимаю, что еще надо?

На щеках Давида играют ямочки, делая из него не просто мерзавца, как я раньше всегда считала, а обаятельного мерзавца.

– Хорошо, – неожиданно соглашается Давид, заставляя меня выжидательно замереть. – Так уж и быть, я ничего не скажу твоему отцу об этих шалостях, Мирьям, но ты мне тоже пообещай взяться за ум. Никаких прогулов, – выражение лица Давида более, чем серьезное.

Я не решаюсь спорить. Ни к чему провоцировать Садулаева. Не зря говорят, что у него хватка настоящего бульдога. Совсем не хочется проверять, о чем шепчутся в деловом мире моего отца.

– Лады, – закатываю глаза, внутренне ликуя. Считай, отделалась малой кровью. А он не так плох, как я думала.

– Только вот, – неожиданно продолжает Садулаев, заставляя настороженно встрепенуться, – мне какая выгода от всего этого, а, Мирьям?

– Выгода? – повторяю робко за мужчиной, ощущая, как начинает тревожно биться сердце. Что он еще задумал?

– Все-таки, я храню два твоих секрета, а это, кошечка, согласись, не так уж и мало.

– Два? – повторяю, как попугай. – О чем ты?

– Ты уже забыла про нашу ночь? – мягко напоминает Давид. – А вот я, должен признаться, совсем не могу выкинуть ее из головы, Мирьям. Думаю постоянно о том, какая ты...

Поспешно прижимаю палец к его губам, не давая закончить фразу. Сердце начинает колотиться так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Не надо, Давид, – лепечу, словно загипнотизированная, невольно затаив дыхание от того, какие чувства вижу в чёрных глазах, прожигающих мою душу. Мне кажется, ещё чуть-чуть и я утону в них. В какой-то момент даже становится трудно дышать.

Давид слегка прикусывает мой палец идеально ровными белыми зубами, а затем обхватывает ладонью тонкое запястье, не давая сдвинуться ни на миллиметр. Он словно показывал этим, что если захочет, то все может быть по-другому, а пока... пока мне лишь позволено чудить и показывать острые, как у дикой кошки, коготки.

Моя ладонь оказывается на колючей четко очерченной скуле. Кончики пальцев приятно покалывает однодневная тёмная щетина. Как приятно к нему прикасаться! Аромат лимона и кедровых орешек почти вынуждает инстинктивно податься вперёд, ближе к Садулаеву, чтобы ощутить его тепло, силу рук, жадность губ. Я даже чувствую небольшое головокружение, когда мужчина наклоняется ко мне еще ближе. Лица касается тёплое, освеженное мятной жвачкой дыхание и я непроизвольно прикрываю глаза. Губы складываются бантиком, длинные ресницы трепещут. Когда сильные руки мужчины властно сминают мою талию через ткань платья, я встаю на носочки и приоткрываю соблазнительно губы. Сердце бьется лихорадочно и неровно. Тук... Тук... Тук, тук, тук... Хмурю брови. Почему он медлит? Чего ждёт?

Неохотно открываю глаза и сразу же встречаю насмешливый, горящий любопытством взгляд Давида. Сказка заканчивается так же резко, как и началась. Ууу, как он меня злит! Впиваюсь острыми ногтями, над которыми ранее в дорожном салоне поработал мастер маникюра, в руку Садулаева, от чего браслет на запястье громко звякает подвесками.

Давид морщится. Глаза мужчины становятся еще темнее, как будто, черт возьми, все это наше противостояние лишь подливает масла в огонь его желания. Сволочь! Выставил меня полной дурой, жаждущей его внимания.

Пытаюсь вырваться из крепкого захвата широких ладоней, шипя, словно кошка. Хриплый смех, точно красная тряпка для быка, заставляет меня неистово извиваться в крепких объятьях. Выцарапаю эти насмешливые глаза! Унизил меня. Да как он посмел?!

– Не злись, милая. Я обязательно тебя поцелую, но только после того, как разберёмся с нашим делом, – словно успокаивая несмышленного ребенка, Давид пытается урезонить меня.

– Пусти! – изловчившись, стараюсь пнуть его в самое уязвимое для мужчины место, но не хватает сноровки и сил.

Наконец, глаза Садулаева опасно вспыхивают. Кажется, я приблизилась к черте его терпения! Игры закончились. Это мгновенно остужает мой пыл. Все-таки инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

– Хватит, Мирьям. Клянусь, если не уgomонишься, я перекину тебя через колени и сделаю то, что давно должен был сделать твой отец, – это звучит не как угроза, а констатация факта.

Однако, сурово поджатые губы мужчины намекают на то, что он не шутит. Эти слова обжигают похуже хлёсткой пощёчины. Я бледнею и опасливо смотрю на Давида сквозь подкрашенные тушью ресницы.

– Так-то лучше, маленькая моя, – одобрительно тянет Садулаев, заметив, как я мгновенно притихла в его руках. – А теперь мои условия.

Мужчина отпускает руку, и я тру чувствительную нежную кожу запястья. Сволочь, неандерталец... Что еще задумал этот тиран?! Наверняка что-то вопиюще неприличное. Пусть только...

– Завтра я заеду за тобой, и мы поедем в «Парадайз Плаза».

Шокировано моргаю, прежде чем разразиться бранью.

– Да как ты смеешь так нагло тащить меня в отель?! – мой голос срывается от ужаса и возмущения. – Если мы провели вместе одну ночь – это не значит, что...

Давид поднимает руку, резко останавливая поток льющейся из моих уст речи. Всего один жест, а мое сердце уходит в пятки. Если он захочет, то может полностью разрушить мою жизнь. Ему это ничего не будет стоить!

– Мирьям, – Давид складывает руки на широкой груди и приподнимает бровь, – иногда твои слова меня заставляют серьезно задуматься. Откуда у девушки из такой приличной семьи в прелестной головке крутятся такие испорченные мысли? Ммм? Кто тебя так испортил, милая?

Мне кажется или в его словах слышатся ноты ревности? Да он что, совсем что ли?! Открываю широко глаза и впервые чувствую, что мне больно. По-настоящему больно от слов Давида. Как он может так говорить? Он же знает правду. Прилагаю просто невероятные силы, чтобы не позволить пролиться слезам, что застилают глаза.

– Ты, – цежу сквозь зубы, скрывая за яростью затаившуюся глубоко в сердце обиду. – Ты меня испортил!

Взгляд Давида смягчается, и он тянет руку к моему распущенным волосам. Я резко делаю шаг назад, не позволяя притронуться к себе.

– Мирьям, прости ревнивого дурака, – в голосе Садулаева слышится раскаянье, но мне уже все равно.

– Говори свои условия и закончим на этом разговор, – приподнимаю подбородок и делаю то, что и всегда в подобных ситуациях – надеваю одну из своих излюбленных масок – холодности и безразличия. Больше никому не позволю так близко подобраться к моей душе и искромсать ее. Мне сполна хватило Максута!

– Хочу познакомить тебя со своей работой.

Недоверчиво обращаю взгляд на Давида. Хочет показать мне свои отели? А точнее, жемчужину бизнеса Садулаева, из-за которой, собственно, и был затеян весь этот брак. Наши родители хотят объединить две несокрушимые империи, занимающие лидирующие ниши среди гостиничного бизнеса. Его предложение заставляет меня нахмуриться. Что за глупости? Мужчины же не переносят, когда женщина сует нос в «их дела»! А ведь меня всегда интересовала тема отелей. Только вот отец не дал мне единого шанса. Видите ли, мать так и не родила ему наследника, а я... всего лишь девчонка. Что с них взять? Поэтому все мечты об управлении были запрятаны очень глубоко и даже забыты. Меня отправили изучать ненавистную биологию. Ведь женская участь – стать либо врачом, либо учителем.

– Ты хочешь показать мне «Парадайз»?! Правда?

Давид почти незаметно усмехается, но поднятый вверх уголок губ выдает его. Садулаев ласковым движением пальцев отводит темные пряди волос с моего лица, открывая вид на брильянтовые серьги в ушах.

– Да, однозначно, я покажу тебе рай, Мирьям.

Вспыхиваю, когда понимаю, что мой вопрос прозвучал очень неоднозначно. Впрочем, как и его ответ.

Заметив алый румянец на моих щеках, Давид, довольно блестя глазами, убирает руку. В следующее мгновение он становится серьезным. Веселые искорки бесследно исчезают из его глаз. Образ вновь суровый и холодный.

– Да, Мирьям, я бы хотел, чтобы ты была в курсе того, как идут дела в бизнесе. Мне интересно твое мнение.

Внутри меня начинает подниматься волна восторга. Хочется подпрыгнуть и повиснуть на шее Садулаева, не скрывая радости. Боже, это моя мечта! Хочу знать все: как работает персонал, как подписываются договора с поставщиками, как функционирует кухня ресторана в отеле. Однако непростая натура берет свое, и у меня вновь появляется скучающе выражение лица.

– Хорошо, я поеду с тобой, – приподнимаю бровь и высокомерно заканчиваю. – Только вот не надо себе ничего там придумывать, Давид. Если бы не твой грязный шантаж, я бы...

– Понял, милая, – перебивает меня Давид. Он серьезен, но надо быть дурочкой, чтобы не заметить веселые искры, которые вновь появились в его темных глазах. – Хорошо, договорились. Как насчет десяти?

– Слишком поздно. Родители вряд ли... – хмурюсь я.

– Мирьям, – снова прерывает меня Давид. – Я имел в виду утро.

– Ооо, – растеряно тяну и, ни капли не смущаясь, продолжаю. – Я не привыкла так рано встать, еще и куда-то выдвигаться потом.

– Как хочешь, – пожимает Садулаев со скучающим видом. – У твоего отца номер не изменился?

Ну, какой же он невозможный! Прищутив зеленые глаза, окидываю его уничтожающим взглядом.

– Хорошо, – цежу сквозь зубы. – Десять утра, Давид. Не опаздывай. Терпеть этого не могу!

ГЛАВА 5

Мирьям

Что за дурацкий звук?! Натягиваю одеяло на голову и поспешно поворачиваюсь на другой бок. Настойчивый пронзительный звон как будто не собирается заканчиваться. Обреченно открываю глаза и откидываю одеяло. Несколько секунд непонимающе сонно таращусь на будильник на прикроватной тумбочке. Боже! Я же сама его вчера завела впервые за год, чтобы вовремя проснуться на встречу с Давидом. Тянусь вперед и нажимаю «отбой». Девять утра. Час на сборы.

– Проклятое изобретение шайтана, – ворчу, косясь на часы.

Опускаю ноги с кровати на мягкий ворсистый ковер нежно-голубого цвета и неохотно направляюсь в сторону ванной комнаты. Кто только придумал вставать в такую рань?! Была бы моя воля, не вставала бы раньше двенадцати. Когда тела касаются прохладные упругие струи воды, прикрываю глаза, с наслаждением ощущая, как мышцы словно оживают, наполняясь энергией. Запах маракуйи и кокоса бодрят своей экзотической свежестью. Как ни странно, я уже не чувствую себя такой злой на весь мир, как пару минут назад. Ну, если только чуть-чуть...

Большим баннным полотенцем собираю влагу с волос и вполне довольная возвращаюсь в спальню. Удобно закрепив полотенце на груди, чтобы оно не упало, окидываю взглядом комнату. Даже те, кто совершенно не разбирается в стилях, с легкостью распознают принадлежность спальни к стилю Прованса. Одно из таких клише – рисунки туалет-де-жуи, прованские нежно-голубые розы и мелкие клетки-виши. Шторы блекло-бирюзового цвета, покрывало, постельное белье – все это идеально завершает картину. Лучи солнца пытаются пробраться через многослойные блэк-аут шторы под легкими льняными порттьерами, и я поспешно подхожу к окну, чтобы развязать красивые ажурные подхваты. Через идеально чистое стекло окна вижу, как на приусадебную территорию въезжает огромный черный «Джип» с тонированными стеклами. Машина Давида Садулаева. Он большой мальчик и игрушки у него под стать. Усме-хаюсь.

Пусть не надеется, что я спущусь раньше обозначенного времени. Бросаю быстрый взгляд на настенные интерьерные часы, украшенные гипсовыми «кружевами» и небольшой веточкой декоративной сирени. В моем распоряжении еще полчаса, так что подождете, Давид Мансурович. Не переломитесь!

Тщательно наложив легкий нюдовый макияж, я принимаюсь выбирать наряд, идеально подходящий для этого случая. Это же не свидание, а что-то типа деловой встречи, правда? Открываю створки шкафа. Какое-то время придирчиво изучаю свой гардероб. Столько платьев... Это изобилие вынуждает задумчиво прикусить губу. Что-то не сильно деловое, но и, разумеется, не легкомысленное. Одним движением руки без единого сомнения отодвигаю в сторону пеструю стайку платьев. Сегодня настроение быть дерзкой, поэтому свой выбор я останавливаю на брючном костюме благородного оливкового цвета. К приталенному пиджаку с баской идеально подошла блуза нежно кремового цвета. Покопавшись в резной, сделанной под мрамор шкатулке с драгоценностями, достаю золотое широкое кольцо «Елочка» от знаменитых карачаевских мастеров, выполненное на заказ к моему восемнадцатилетию. Да, на «цацки» отец никогда не скупился. Колье идеально вписалось в этот ансамбль, но окончательно картину завершили стильные бежевые «лодочки» на невысоком каблучке.

Я с удовольствием смотрю на свое отражение в зеркале, обрамлённом тяжелой посеребренной рамой. Укладываю на одну сторону копну длинных темных волос. Отличная вещь эти салонные глубокие процедуры, волосы переливаются, как шелк. Продолжаю изучать свое отражение. Все-таки мама была права, мои зеленые глаза создают идеальный контраст с волосами. Со светлыми прядями волос мамы такие же, как у меня, зеленые глаза сильно уступают. Отложив овальную расчёску в сторону, шелкаю пальцами. Точно, кое-чего не хватает! Аккуратно вдев в уши изумрудные серьги, довольно улыбаюсь. Вот он – завершающий штрих. Перед тем, как отойти от туалетного столика, распыляю на область шеи и декольте легким облачком свои любимые духи. Этот аромат можно отнести к шипрам. В нем четко чувствуются нотки древесины, в середине солируют цитрусовые ноты. Есть в этом аромате и какой-то строгий «олдскульный» посыл, обещающий мирное ностальгическое настроение. Правда, с моим-то характером это вряд ли поможет...

В последний раз критично оглядываю себя со всех сторон.

Длинные, очень объемные, густые, почти черные волосы чуть ниже талии, большие, так напоминающие по форме «лисьи» выразительные глаза цвета мха, окруженные пушистыми ресницами, изящный овал лица, небольшой прямой носик, пухлые губы. Единственное – рост не совсем «удался», как говорил отец, но его мнение меня давно не волнует. Мне моих метр шестьдесят семь вполне достаточно. Тем не менее, каждый раз на различных мероприятиях, где присутствовала вся семья, отец не забывал упомянуть, какая умница и красавица его единственная дочь. Только все это – «сотрясение воздуха». Ведь он даже не соизволил узаконить отношения с мамой. Поджимаю губы от обиды. О чем речь? Отец даже не захотел подтвердить свое отцовство. Никакая я не Мирьям Юсупова и это подтверждает мой паспорт, где черным по белому вписана фамилия моей матери – Сотникова. Никогда не прошу ему слез матери, ее не сбывшихся ожиданий и надежд. Они двадцать лет они. Двадцать! А он до сих пор считает ее не достойной своей фамилии. Тяжело сглатываю и гордо поднимаю подбородок, смахивая набежавшие на глаза соленые слезы.

Мирьям Юсупова – красавица – так все говорят. Горько усмехаюсь. Проблема в том, что совершенно никому нет дела, что у меня внутри. Выйдя из спальни, я направляюсь по коридору к большой полированной лестнице красного дерева. Стоит подойти к основанию, я замираю, отчетливо слыша голоса Давида Садулаева и отца.

Замираю возле двери, заглядывая в небольшой просвет. Через него хорошо видно, что отец стоит у огромного окна, драпированного красивыми складками классических портер глубокого синего цвета с замысловатым восточным узором. Сложив руки на груди, родитель задумчиво поглаживает свою не длинную густую бороду с лёгкой проседью. Как всегда, отец отдал предпочтение классике. Широкие классические брюки укорачивают его и без того невысокую фигуру, а бежевая рубашка почти сливается со смуглой кожей. Не удачный выбор. Мохнатые, как толстые гусеницы, тёмные брови сведены на переносице, карие глаза устремлены на Садулаева.

– Куда собираетесь в свадебное путешествие? – отец хмурым тяжелым взглядом обводит высокую спортивную фигуру Давида, который выше его на добрых тридцать сантиметров. Наверняка злится, что Садулаев хоть и не надолго, но покинет свой пост, а долгожданные сделки придется отложить на неопределенное время. – Надеюсь, ненадолго? Недели вполне достаточно, чтобы наследника заделать. Не стоит забывать о делах. Слияние компаний – это...

На кончике языка так и вертится колкость в ответ на эти безобразные, лишённые такта слова, но я его прикусываю. Слишком уж любопытно, о чем еще будут говорить эти двое. Кто знает, вдруг я потом смогу использовать этот разговор в своих целях. Сердце пропускает удар, когда я обращаю взгляд на Давида. Что-что, а одеваться молодой мужчина умеет. Мне всегда

это импонировало. В отличие от младшего брата – Максута, предпочитающего спортивный стиль, старший из братьев Садулаевых всегда одет с иголочки.

Сегодняшний выбор Давида – зауженные брюки карамельного цвета и белоснежная рубашка, что выдают его предпочтения. Непринуждённый стиль типа кежуал или гранж. Цветовая гамма поразительно подходит к его темным глазам, делая их намного мягче и спокойнее. Прикусываю губу, в ожидании ответа. Клянусь Богом, если Давид сейчас скажет, что мы поедем в Африку, я...

– Я жду окончательного решения Мирьям, – хриплый, спокойный, как всегда, невозмутимый голос жениха заставляет меня крепче сжать круглую ручку двери. – Полностью полагаюсь на выбор своей невесты. Неделя? Нет, это слишком мало для того, чтобы провести время с любимой женщиной.

Это заставляет меня удивиться. Он, правда, не против, чтобы я САМА выбрала, куда отправиться в свадебное путешествие?!

Отец недовольно морщится, будто Садулаев сморозил какую-то несусветную глупость. Сколько раз я видела это взгляд, адресованный в мою сторону? Бесчисленно!

– Не осмотрительно с твоей стороны, Давид, давать ей полную свободу выбора, – снисходительно ворчит отец. Жёсткая линия рта становится почти прямой. – Ни для кого не секрет, что моя дочь взбалмошная, – отец тяжело вздыхает, словно я – тяжкий крест на его плечах. – Не удивлюсь, если девчонка захочет что-то экзотическое – типа сафари на слонов – лишь бы всем насолить. Женщины нуждаются в твердой руке, иначе, поверь, не успеешь оглянуться, как начнет брюки носить и доказывать, что она хозяйин в доме.

– У Мирьям не простой характер – это правда, – сдержанно отвечает Садулаев, – но на мой взгляд, это только добавляет ей шарма.

Поза Садулаева расслаблена. Он полностью уверен в себе и своих силах. На секунду даже чувствую зависть. Мне бы так... Давид криво усмехается, и мои губы непроизвольно дрожат в ответной несмелой никем незамеченной улыбке.

Отец нарушает этот момент тем, что достаточно громко и саркастически хмыкает:

– Сколько раз говорил Мирьям, что женщина без стыдливости – что пицца без соли, – брюзжит недовольно, направляясь к столу, на котором в хаотичном беспорядке лежат документы.

– Не все любят соль. Кто-то предпочитает острые экзотически пряности, – лениво тянет Давид и неожиданно бросает скользкий взгляд на дверь, за которой затаилась я.

Черные глаза смотрят слегка сощурившись, правый уголок губ приподнят. Проведя пятерней по волосам, он вновь возвращает взгляд на моего отца.

Сердце успокаивается, когда я понимаю, что мое присутствие осталось в тайне, но спокойствие тает, будто первый снег, после следующей фразы отца, которая обжигает горячим унижением, словно едкая кислота:

– Я понимаю, что Мирьям ещё тот подарочек, но Давид, хочу тебя заверить, что моя дочь чиста, можешь даже не сомневаться.

Судорожно сглатываю тягучую слюну, с силой прикусывая губу. Опускаю взгляд на туфли, боясь посмотреть в лицо Давиду. Чувствительную кожу щек нещадно жжет. Где-то глубоко во мне зарождается и погибает полный тревоги стон.

– Даю тебе слово Юсуповых, – жестко обещает отец, неотводя прямого взгляда от будущего зятя. – Впрочем, сам убедишься. Традиции ещё никто не отменял. Простынь «покажет».

Бледнею, понимая, о чем идёт речь. Я погибла...

– Право первой ночи твое. А если Мирьям посмела... – отец делает многозначительную паузу и с намеком поднимает бровь, – то брак будет расторгнут в срочном порядке, – и недовольно кривит губы, будто на секунду представил развитие событий именно в таком ключе.

Ничего не могу с собой поделать, с ужасом пристально вглядываясь в лицо Давида. Челюсти брюнета плотно сжаты, глаза горят нехорошим огнём. Мне безумно страшно. А вдруг он сейчас опозорит меня?!

– Я думаю, это ни к чему, – резко чеканит Садулаев, заставляя меня испуганно затаить дыхание. – Я нисколько не сомневаюсь в Мирьям. Думаю, пора покончить с варварскими традициями, не имеющими никакого отношения к современному обществу, – желваки на скулах Давида в полной мере показывают его отношение к предложению моего отца. – Свадьба будет в европейском стиле.

Словно дуэлянты, отец и Давид скрещивают взгляды-шпаги и, к моему удивлению, отец сдаётся первым.

– Как хочешь, Давид. Твоя свадьба – твоя воля, – едко усмехается. – Вижу, девчонка моя тебе по душе пришлась.

ГЛАВА 6

С удивлением понимаю, что мне искренне интересно, что же на это скажет Давид.

– Разве такая девушка, как Мирьям, может вызывать какие-то чувства, помимо восхищения?

Внутри начинает зарождаться что-то странное – теплое, приятное... Казалось, по вечно открытым ранам деликатно прошлись лечебным бальзамом, смягчая, успокаивая, заглаживая все неровности и рваные края, ранее грубо нанесенные безразличием и грубостью со стороны близких. Больше не вижу смысла в том, чтобы прятаться и смело толкаю дверь. Стоит переступить порог, как мне в грудь летит упрек, так похожий на острозаточенную стрелу, кончик которой пропитан ядом гадюки.

– Мирьям, опять спишь допоздна, – тут же цепляется ко мне отец, словно дворовый цепной пес при виде кошки. – Еще бы к вечеру спустилась!

– И тебе доброе утро, папа, – совершенно не дрогнув в лице, обращаюсь к отцу. Затем поворачиваюсь к жениху и негромко приветствую: – Здравствуй, Давид.

При виде меня Садулаев сразу же поднимается с объёмного кресла, стоящего возле камина. Мужчина за считанные мгновения оказывается рядом, с невообразимой нежностью берет мою руку в свою ладонь, а затем опалает чувствительную тонкую кожу поцелуем. Губы твердые, но поразительно нежные.

– Мирьям.

Он просто называет по имени, а у меня ощущение, что невидимой глазу лаской приветствует. Тону в черных глазах, у зрачка которых отчетливо видны янтарные искры. И почему я никогда раньше их не замечала? Неохотно признаю – красиво. Смотрю на него снизу вверх, почти не отдавая отчета тому, как пристально разглядываю мужественные черты лица Давида Садулаева.

– Куда собрались в такую рань? – выводит меня из ступора недовольный голос отца.

Рань?! Ехидно приподнимаю бровь, намекая на нелогичность мыслей. Интересно, кто только что говорил о том, что я сплю допоздна?!

– Хочу отвезти Мирьям в «Парадайз», показать, как работает отель, – ровный голос Давида, несмотря на вежливые ноты, тверже арматуры. – Хочу, чтобы моя будущая жена была в курсе всех дел.

Отец отрывает взгляд от бумаг и смотрит на Давида так, словно он вдруг сказал, что хочет стать дрессировщиком диких львов.

– Пора выдвигаться, – игнорируя красноречивые взгляды отца, продолжает жених, нарочито внимательно бросая взгляд на каминные часы. – Как раз скоро смена персонала, и мы успеваем.

Отец что-то неразборчиво фыркает, наблюдая, как мы идем к выходу.

Горячая ладонь Давида почти прожигает на спине ткань моего легкого пиджака.

Перед тем, как закрыть дверь в кабинет, я слышу брюзжание отца о брюках и что-то про то, что его бизнес под угрозой. Почти испытываю восторг от того, что именно сегодня решила надеть брючный костюм. Просто идеально! Как только дверь за мной захлопывается, до слуха долетает хриплый смешок Давида.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты самое настоящее маленькое исчадие ада? – в его голосе слышится ничем неприкрытое восхищение и даже какая-то гордость. Он с удовольствием разглядывает мой наряд, скользя темными глазами по приталенному пиджаку и ногам, стройность и изящество которых подчеркивают брюки.

– Да, – скромно опускаю глаза, прежде чем добавить, – постоянно.

Не выдержав затянувшейся паузы, смотрю сквозь ресницы на жениха, с трудом сдерживая улыбку. Это самый лучший комплимент, который я слышала за последнее время.

– Черт, да обгони ты его уже! – с силой сжимаю ремешок сумочки, выражаясь словами, что совсем не украшают леди, наблюдая, как Садулаев уверенно ведет авто. – Давид! – голос мой звучит требовательно и резко.

Аристократический, гордый, словно выточенный из скалы, профиль мужчины ни на секунду не дрогнул от моей брани. У меня даже возникло стойкое ощущение, что я разговариваю со стеной. Упрямый осел!

– Мирьям, еще одно слово и я остановлюсь у обочины и... – будто прочитав мои мысли, откликается, наконец, Садулаев.

– Ну, ты что, не видишь?! – подаюсь вперед, в обличающем жесте показывая пальцем на автомобиль, что мельтешит то за нами, то сбоку от нас. – Он провоцирует, хочет показать, что круче!

Давид со спокойствием сфинкса бросает на меня изучающий взгляд ониксовых глаз.

– Нам до этого какое дело? Еще пару минут и мы у отеля.

Буквально взрываюсь на месте, откидывая на плечо густую массу темных волос.

– Да у тебя тачка круче в сто раз! – округляю глаза и для уверенности киваю. – Нет, в тысячу! – не могу успокоиться, понимая, что Давид совсем не хочет утереть нос этому негодяю, который уже на протяжении десяти минут выводит меня из себя. Разочарованно стону, когда мужчина не меняет скорости. Черт, мне бы за руль такой тачки... Я бы показала тому уроду, где раки зимуют! Злобно кошусь на синий "Аурус Сенат".

Выражение лица Давида непреклонно. Он не намерен показывать и доказывать кому-то, кто «хозяин дорог».

Ну, и ладно! Ну, и пожалуйста! Отворачиваюсь к окну, надувая обиженно губы.

Бесчувственный осел делает музыку громче и продолжает движение в пределах чертовых семидесяти километров в час. Как только мы останавливаемся у здания отеля, Давид выходит из автомобиля и обходит его вокруг.

С ехидством думаю о том, что сейчас скажу ему, что никуда не пойду и заставлю везти себя назад, а если откажется, то возьму такси. Подбородок в привычном жесте «взлетает» вверх. Когда мужчина открывает дверь, я почти дрожу от напряжения. Почему-то с Давидом мне сложнее показывать характер, чем с обычными ухажерами из того же универа.

"Потому что они мальчишки, – шепчет внутренний голос, – а Давид..."

– Вашу ручку, моя кровожадная леди, – совершенно серьезный, но с нотками снисходительности бархатистый баритон заставляет подняться со своего места, словно под гипнозом.

Моя небольшая кисть тонет в широкой горячей ладони Садулаева. Ладно... Но если мне что-то не понравится, я точно сразу же уеду! Забыв о своей только что данной клятве, восхищенно лепечу, глядя на здание:

– Боже, Давид, это самый красивый отель в мире!

ГЛАВА 7

Мирьям

– Давид Мансурович, мы разрабатываем концепцию для «Парадайз». Думаю, вам понравится, – щебечет длинноногая молодая женщина, заискивающе вглядываясь в лицо Садулаева.

В сердце раскаленной стрелой вонзается раздражение, заставляя с силой впиться ногтями в ладонь. Дрянь какая! А юбку-то нацепила короче некуда. С раздражением закатываю глаза, когда блондинка раз за разом поправляет свои искусственные, осветленные до бела пряди волос. Справедливости ради должна заметить, что тоже, скорее всего, надела бы такую юбку, будь Давид моим начальником.

– Солнце, море и полный релакс! – воодушевленно «рисует» менеджер перед Садулаевым, хлопая густо накрашенными ресницами.

Блондинка бесит меня все больше и больше, поэтому я отворачиваюсь к окну. Отель расположен в очень удачном месте – на первой береговой линии. Моему взгляду предстаёт чудесный вид на чистейший золотистый песок частного пляжа и бескрайнее море.

– Давид Мансурович, большинство людей именно так представляют отдых у моря. Тем не менее, у каждого свое видение того, как должен проходить такой отпуск, а также свои требования к размещению, развлечениям, питанию, – женщина переводит дыхание, прежде чем продолжить. – И если кому-то достаточно шезлонга под пальмой или недорогого номера в частном отеле, то для других уровень объекта размещения, номерной фонд и сервис играют решающую роль.

– И что вы хотите предложить? – голос Давида ровный, но даже я понимаю, что он хочет проверить знания сотрудницы. – Чем же отличается элитный отдых на Черном море от обычного отдыха «эконом»?

– Во-первых, общим уровнем внешнего лоска объекта. Безусловно, гостям приятно видеть идеально обученных грамотных сотрудников службы размещения, приветливый персонал развлекательных центров. Во-вторых, категориями номеров. Вы можете выбрать размещение в «Люксах», различную планировку «Апартаментов», при создании которых архитекторы ориентировались на простор, качество и функциональность.

– Не плохо, но мне бы хотелось конкретики, Ксения. Что именно заставит гостя выбрать именно «Парадайз»? – суровое лицо Давида серьезно, как никогда.

Блондинка тушует под взглядом чёрных глаз, а я еле сдерживаю зевок.

«Поплыла ты, Ксюша, и не можешь собраться с мыслями! – ехидничаю мысленно, успевая кинуть из-за спины Давида высокомерный уничтожающий взгляд, так похожий на «что ты здесь делаешь, милая? Твои знания слишком поверхностны для того, чтобы работать на Садулаева Давида Мансуровича».

Ксения безуспешно пытается предложить различные варианты, но по лицу Давида можно сделать вывод, что все «мимо».

– Купоны? Может быть, скидку на следующее посещение?

Садулаев морщится и, не выдержав, я озвучиваю то, что так и вертится на кончике языка:

– А что, если сделать упор на то, что гости получают весь спектр услуг? Возможность посещения разнообразных спорт- и SPA-комплексов, ряда бассейнов, – мило улыбаюсь Давиду и со знанием дела добавляю. – Элитный отдых подходит тем, кто привык следить за качеством своей жизни и ценит комфорт! Поэтому, я думаю, упор надо делать на это.

– Очень хорошо, Мирьям! – неожиданно хвалит меня жених, после чего шурит карие глаза и на скуле мужчины появляется привлекательная ямочка. Уголок его губ поощрительно

поднимается, и он довольно кивает головой. – Да, мне, определено, нравится. Отель отелем, но допуслуги и сервис станут решающей фишкой «Парадайз».

Голубые, так похожие на холодные льдинки океана, глаза Ксении вспыхивают ненавистью. Злость она прячет за фальшивой улыбкой ярко подкрашенных красной помадой губ.

– Хорошо, Давид Мансурович, отдам в разработку, – не сдаваясь, она тянет руку к увесистой папке, в которой оказываются небольшие отрезки материала. – Дизайнер передал мне образцы ткани для портьер в номера, хотелось бы...

– Давид, – бесцеремонно перебиваю жеманную девицу, обращаясь к Садулаеву, – дай мне ключи. Я подожду тебя в машине.

Он удивлённо переводит на меня взгляд и обеспокоенно сводит брови на переносице.

– Устала, милая?

Киваю. Ну, а что еще делать? Не скажу же, что меня бесит белобрысая дрянь, которая то и дело строит ему глазки и не упускает возможности дотронуться до его руки. Я уже молчу про ее проклятые духи, напоминающие сладкий ягодный компот, что выбил из строя все мои рецепторы на неделю.

– Да, устала, – капризно тяну в ответ с надеждой, что Давид поспешит исполнить мою просьбу.

К моему облегчению мужчина тут же тянется к карману брюк.

– Хорошо, минут пятнадцать, и я освобожусь, – его губы трогает мягкая улыбка и карие глаза подсвечиваются янтарными искрами. – Заедем в одно местечко. Тебе понравится, обещаю.

Чтобы посильнее позлить Ксению, я иду на отчаянный шаг. Стараюсь не думать о том, что собираюсь сделать, поэтому всего за одно мгновение оказываюсь напротив Давида. Он такой высокий! Мне приходится привстать на носочки для задуманного, а это, между прочим, не так уж и просто в туфлях от Валентино. Мои дрожащие губы, сложенные бантиком, быстро клюют Садулаева в покрытую темной щетиной щеку, и я смотрю на него снизу вверх, прежде чем вытащить ключи из его широкой ладони.

Из груди Садулаева вырывается какой-то сдавленный звук. Темные глаза вспыхивают адским огнем. Мое тело странно реагирует на все это, покрываясь мурашками с ног до головы. Как только заветные ключики оказываются у меня, я отворачиваюсь и, не прощаясь, громко стуча каблуками, выхожу из кабинета.

– Какая крутааая, – стону, прикусывая губу, проводя благоговейно пальцами по кожаной обивке руля. – Черт, мне о такой только мечтать.

А как удобно сидеть на водительском месте. Красота! Мечтательно вздыхаю, разглядывая сенсорную магнитолу и модный салон автомобиля.

Ну, где Давид? Смотрю в зеркало дальнего виденья на вход в «Парадайз». Прошло уже целых десять минут! Неужели ему интересно слушать эту пустоголовую куклу Барби? Бесчувственный. Может быть, я уже здесь с голоду помираю! Интересно, что у него в бардачке? Коварно улыбнувшись, открываю его. Пусто, а нет... Наощупь нахожу какую-то небольшую бумажку и вытаскиваю ее на свет. Удивлённо разглядываю фотокарточку, на которой изображена... я. Брови сходятся на переносице. Кажется, я знаю, где был сделан этот снимок. Очень похоже на день рождения Катки Наумовой. Ну, тот самый, что был год назад. На фотокарточке я выгляжу такой юной и беззаботной. Даже не верится, что это было всего год назад. Тогда мне едва исполнилось семнадцать, и тогда я еще не знала, что Максут разорвет нашу помолвку. И зачем Давид таскает с собой эту фотку?

Мои мысли прерывает звуковой сигнал автомобиля, и я поспешно бросаю снимок на прежнее место. Испуганно оглядываюсь назад, словно вор, застигнутый на месте преступления. Испуг за одну секунду трансформируется в ярость, когда я узнаю синий «Аурус Сенат». Ах, ты ж гад! Почти не помню, как дрожащими от возбуждения пальцами повернула ключи в

замке зажигания. Мотор громко ревет, и я получаю огромную долю адреналина – такую мощную, будто ее ввели внутривенно. Машина рычит, словно дикий зверь, а я ощущаю вибрацию и мощную силу под собой. Нажимаю «газ»... В отличие от Садулаева Давида Мансуровича, Юсупова Мирьям Руслановна всегда принимает вызов!

ГЛАВА 8

Мирьям

Жму со всей силы на «газ» и отрываюсь от обидчика на приличное расстояние. Выкуси, урод! Бросаю победный взгляд в зеркало дальнего виденья. Я его сделала! ХА! Подо мной приятно поскрипывает кожаное сидение металлического зверя. Вот это аппарат! Радуюсь своей победе, как ребенок. Это самый чистейший, самый сладкий адреналин – чувство собственной силы! Резко выворачиваю руль и на скорости несусь назад, но происходит непредвиденное. Непредназначенная для вождения авто обувь подводит. Подошва туфли соскальзывает с педали, и я делаю шумный вдох, еще крепче хватаясь за руль. Через дорогу бежит небольшая белая кошка. Время будто на секунду останавливается. В отражении зеркала дальнего виденья я вижу, как в моих широко раскрытых глазах плещется паника. Страх колет в самое сердце. Я принимаю одно единственно верное решение. Вновь импульсивно поворачиваю руль, и меня на огромной скорости несет прямо на ограду, за которой виднеются укутанные одеялом зеленых сочных листьев деревья. Господи, помоги! Жму на педаль. Какую-то долю секунды она держится, а затем вдавливается в пол! Скорость действует на меня, как укол адреналина в сердце, за которым следуют смещение и удивление. Очень уж быстро закончилась моя недолгая жизнь.

Новенькую блестящую машину Давида останавливают вовсе не тормоза, а дерево.

Ударяюсь лбом о руль и ощущаю во рту солёный привкус металла, который не спутать ни с чем. Кровь... На секунду у меня кружится голова, потом накрывает острым приступом тошноты, после чего отбрасывает на спинку водительского сиденья. Боже, как шумит в ушах. Прикасаюсь подушечками пальцев к вискам, но со стоном опускаю дрожащие руки. В ушах стоит пронзительный звон...

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем дверь автомобиля резко открылась и я, распахнув глаза, почти падаю в объятия подхватившего меня Давида. Уши «сворачиваются в трубочку», когда он принимается эмоционально ругаться на другом языке.

Садулаев переводит сбившееся дыхание. Тон мужчины резко меняется:

– Мирьям, милая, как ты?! Ты меня слышишь?! – мужские руки дрожат на моих хрупких плечах, прежде чем с силой сжать их.

Я даже не могу понять, кого из нас больше штормит – Давида или меня. Он прижимает меня плотнее к себе, и я чувствую, как волнуется его широкая грудь. Еле разлепив губы, я запрокидываю голову, чтобы видеть черные, как ночь, взволнованные глаза:

– Да, все хорошо, – бормочу. – Это тебя отец научил так ругаться?

Мой вопрос остаётся без ответа. Хотя, он мне и не нужен. В памяти мелькает образ убегающей кошки, и я судорожно перевожу дыхание. Боже, я же чуть не сбила животное! Эта мысль заставляет резко крутануться в объятиях Давида.

– Никто не пострадал?!

Давид, весь бледный, с бисеринками прозрачного пота на лбу, выглядит так, как будто только что пережил армагеддон.

– Нет, никто, если не считать дерево, – от слов Давида по телу волной разливается облегчение. – Здесь частная территория. Повезло, что не ходят люди.

– Слава Богу! – порывисто прикладываю ладони к его груди. Через тонкую ткань рубашки чувствуются каменные мышцы.

Мужчина напряжен, словно один сплошной комок нервов. Сердце Садулаева так лупит в ребра, что мне кажется – я держу его голыми руками.

– Ты можешь двигаться? – карие глаза пристально ощупывают каждый кусочек моего тела. – Ничего не сломано?! – Давид осторожно ощупывает меня под пиджаком.

– Конечно, могу, – начинаю злиться под его изучающим взволнованным взглядом.

Он что, не понимает, что мне и так неловко?! Должно быть, у меня тот еще видок.

Резко делаю шаг назад, но в голове начинает шуметь так, словно я только что получила по зубам от профессионального боксёра. Меня ведёт в сторону, и Давид вновь успевает прижать мое податливое тело к себе, прежде чем я упаду.

– Черт! – ругается он, рассматривая мой лоб. – У тебя уже шишка. Ты, конечно, не пристегивалась? Так ведь, Мирьям?

– Ну, я... это... – лихорадочно думаю, как выкрутиться из сложной ситуации. Но, как на зло, моя богатая фантазия будто вырубил тумблер, отвечающий за изобретение блестящих отговорок. Или же, искреннее, ничем не прикрытое волнение в темных глазах Давида действует на меня настолько обезоруживающе?

– Так я и думал! – психует Садулаев. – Проклятие! Очень сильный удар. У тебя может быть сотрясение мозга. Меня не было всего пятнадцать минут! – не успокаивается Давид, заставляя испытывать острое чувство вины.

– Сотрясение мозга? Давид, брось, со мной все отлично, -

я кручусь из стороны в сторону, чтобы продемонстрировать все, так сказать, целые кости, и шокировано замираю, приоткрыв рот, когда взгляд падает на покорёженную машину.

Бампер просто-напросто сросся с деревом в «глубоком поцелуе», которое от силы удара сломалось пополам. Я мысленно зависаю, не в силах оторвать взгляда от этого ужасного зрелища. Да как только жива осталась?! Должно быть, мне спасла жизнь подушка безопасности, которая сработала при столкновении. Губы начинают дрожать, когда я понимаю, что автомобиль Давида не подлежит восстановлению.

Садулаев чутко улавливает мое состояние.

– Что такое? Где больно?! – Давид принимается стягивать с меня пиджак, в поисках «ужасной раны», но я останавливаю его.

– Нет, – качаю отрицательно головой, срываясь на рыдания. – Твоя машина... Ты только посмотри на нее!

Брови жениха сходятся на переносице, и он оборачивается, чтобы оценить масштаб «бедствия».

– Раньше она выглядела лучше, – спокойно замечает Давид, а затем добавляет: – Я купил ее всего неделю назад, поэтому сделаем вид, что ее у меня и не было.

– Но ты так ругался, – икаю, утирая пролитые слезы. Правильно сформулировать свои мысли получается плохо.

Давид тяжело вздыхает и проводит в ласковом жесте по моим растрепанным волосам.

– Конечно, ругался, потому что одна только мысль о том, что ты пострадала, сводит меня с ума.

Пока я перевариваю услышанное, Садулаев отходит чуть поодаль, набирая чей-то номер на телефоне. Голос Давид, говорящего по телефону, отвлекает меня от созерцания погубленного автомобиля.

– Синий «Аурус Сенат», найдите владельца! Уверен, эта марка единственная в городе, – цедит он повышенным не терпящим возражений тоном. – Нет, сейчас! Моя невеста могла погибнуть. Ждать я не намерен. Десять минут – не больше.

– Что?! – испуганно тарашусь на жениха. – Зачем его искать?

Давид скидывает вызов и поднимает завораживающие черные глаза, из которых будто по щелчку пропадает вся мягкость и спокойствие.

Я буквально чувствую исходящую от него ярость. Настроение Садулаева резко меняется на прямо противоположное. Теперь от него исходят волны полярного холода и звериной ярости.

– А как ты думаешь, Мирьям? Конечно, чтобы посадить.

Я бледнею еще сильнее, если это, конечно, возможно.

– Посадить? – переспрашиваю в надежде, что не так поняла. – За решетку?

Отец убьёт меня! Ведь я начала эту гонку.

Давид поджимает губы, от чего они превращаются в одну сплошную линию.

– Что, если бы здесь был обрыв? – хрипло цедит он. У Садулаева дергается мускул на лице, прежде чем он продолжает. – Ты могла погибнуть, Мирьям!

Скептически приподнимаю бровь. Seriously?

– Ну, да, между дорогой и твоим отелем огромный обрыв, Давид, – чувство страха заставляет язвить. – Как я только его не заметила?!

Садулаев, сузив глаза, складывает руки на груди, линия его подбородка становится жёстче.

– Хватит паясничать, Мирьям. Ты хоть представляешь... – он запинаясь и из груди Давида вырывается сдавленный звук, – хоть на секунду представь, что я почувствовал, когда увидел, как ты на огромной скорости врезаешься в дерево?

– Давид... – начинаю и тут же замолкаю, так и не найдя нужных слов. Отбросив с лица прилипшие к щеке темные пряди волос, с раскаянием заглядываю в темные глаза жениха.

Он и правда выглядит потрясенным.

– Нет, Мирьям. Хватит! Это перешло все границы. Ты создала аварийную ситуацию на дороге.

Вглядываюсь в мужественное, будто высеченное из гранита лицо. Я столько натворила! С ужасом ищу хотя бы тень разочарования.

– Ну, ты же сам сказал, что здесь даже никто не ходит!

Я так расстроена, что ничего вокруг не замечаю, поэтому вздрагиваю, когда возле нас останавливается черный автомобиль представительского класса. Открываю рот, но прежде, чем хоть что-то произношу, Садулаев поднимает руку.

– Ничего не хочу слышать! – предупреждает мужчина любые возражения. – Сейчас мой водитель отвезет тебя в больницу.

– Нет! – испуганно срывается с губ. – Я хочу домой. Пожалуйста, – по моей щеке ползет крупная слеза. – Пожалуйста, Давид, – умоляю Садулаева, сложив перед собой руки.

Лицо жениха смягчается, и он подходит к окну автомобиля, стучит костяшками пальцев по стеклу, и оно плавно опускается вниз.

– Отвезешь Мирьям Руслановну домой, – Давид поворачивается ко мне и отрывисто бросает: – Садись, Мирьям.

Несмело мнущ на месте, только сейчас обращая внимание, что ноги босые. Где-то потеряла туфли...

– А как же ты? – прикусываю губу, виновато глядя в глаза мужчины, когда он, не смотря на гнев, аккуратно усаживает меня на заднее сидение.

Давид прячет руки в карманы испачканных в песке брюк, прежде чем ответить:

– Сейчас приедет полиция.

– Давид...

Смотрит на меня сверху вниз с совершенно непроницаемым лицом.

– Не волнуйся, твое имя не будет фигурировать. Я все решу.

Приоткрываю губы, не моргая глядя в волевое лицо Садулаева. По щекам тут же начинают струиться слезы. Машина трогается с места, и я не успеваю сказать самого главного. Не

могу держать этого в себе, поэтому, глядя в окно, как Давид идет к своему разбитому в хлам автомобилю, едва слышно шепчу:

– Прости.

ГЛАВА 9

Мирьям

Слёзы застилают глаза, но я с силой упрямо тру нежную кожу губкой. Хочется смыть все оставшиеся липкие следы ужаса и страха. Сколько я уже нахожусь в ванной? Час? Два? А может быть и дольше. Шум воды успокаивает. Мне почти невыносимо думать о том, что выйду и окажусь в пронзительной тишине спальни. Но и прятаться вечно от самой себя не получится. Плавали, проходили... Реальность находит везде, как бы ты не маскировался и не пускал пыль в глаза. Я уверенно тянусь к стильному душу и поворачиваю рычажок.

Пару минут уходит на то, чтобы привести себя в порядок. Я так подавлена, что даже нет желания краситься и, тем более, наряжаться. Все, на что меня хватает, это высушить волосы феном и надеть лёгкие пижамные голубые шорты с белой майкой на тонких бретельках. Безразлично разглядываю свое отражение в зеркале. Бледная, осунувшаяся. Всегда яркие зелёные глаза сейчас тусклые – без той самой присущей мне задорной искры. Прикусываю губу, когда вспоминаю, как горели беспокойством глаза Давида. Я подорвала его доверие. Тяжело вздыхаю. Он был единственным человеком, который видел во мне нечто большее, чем все, а я не оправдала его надежды. Сколько раз мне бросали в лицо подобные слова? Не сосчитать! Но никогда мне не было так плохо, как сейчас. А ведь помимо всего я чуть не лишила жизни живое существо. Вспоминаю белую, словно облачко, кошку, которая стрелой пролетела через дорогу. Обхватываю себя за плечи, пытаюсь унять крупную дрожь, что сотрясает тело.

Негромкий вежливый стук в дверь заставляет встрепенуться. Я чувствую себя преступником, пойманным с поличным. Прежде чем ответить, поспешно утираю просочившиеся из-под прикрытых век слезы. Шмыгнув носом, разрешаю войти. Как я и думала – это Евгения. Девушка работает у нас уже более полугода и показала себя, как очень ответственный и добросовестный работник. Однако, наши отношения не выходили за пределы «наемный рабочий-работодатель». Слишком жив ещё в моей памяти тот эпизод жизни, когда я прикипела к одной из служащих дома, а потом обнаружила пропажу кольца с изумрудами, доставшегося мне от русской бабушки. Именно тогда мое представление о дружбе отправилось в утиль, а воровка – на приличный срок в места не столь отдалённые. До сих пор помню, как она кричала, что я избалованная шваль, не способная на дружбу. Лицемерка! Тряхнув головой, прогоняю воспоминания прочь.

– Что, Жень? Скажи маме, что я не буду обедать, – бормочу, потерянно перебирая пальцами тонкий поясок шорт.

– Мирьям Руслановна, – неловко перебивает меня девушка, – Руслан Таирович просит вас спуститься к нему в кабинет.

Тяжело сглатываю, понимая, что отец уже в курсе случившегося. С чего иначе ему хотеть меня видеть? Наши разговоры случаются только из-за моих косяков или когда ему нужна моя помощь для подготовки какого-либо мероприятия. Не пойти? Отсидеться в комнате? Не вариант. Слишком серьезный проступок.

– Хорошо. Скажи, что я сейчас спущусь, – отвечаю, тяжело вздыхая. Час расплаты настал.

Как только дверь за Евгенией закатывается, я вскакиваю со своего места и порывисто заламываю пальцы. Наказания не избежать. Я уверена, что оно будет изощрённое. Нет! Отец не ограничится всего лишь парой «ласковых» или угрозой лишить мобильника на месяц. Он обязательно предпримет меры покруче. Раньше, в детстве, я так действовала инстинктивно, специально – пакостила и нарывалась на неприятности. Ведь только так отец удостаивал меня хоть каким-то вниманием, которого иначе было просто нереально добиться. Меня словно не

существовало. Стоило совершить какое-то действие, которое дискредитировало его в глазах общества, он вспоминал о существовании своей единственной дочери. А теперь... что теперь? Я готова стать невидимкой, лишь бы он не трогал меня лишний раз. Только вот привычку очень сложно искоренить. Я так и не смогла стать той дочерью, которую он так жаждал. Тихой, покорной, готовой почётно склонить голову перед решениями отца.

Спускаясь по лестнице, чувствую, как руки леденеют, будто вся кровь из конечностей перекочевала в голову. Щеки горят. Откинув к черту все церемонии, отворяю дверь в кабинет, не утруждаясь постучаться.

– Пап, ты звал?

Отец стоит ко мне спиной. В его руке крепко зажаты какие-то бумаги, так похожие на фото. Он резко разворачивается на звук моего голоса, и я вижу перекошенное от бешенства лицо. Челюсти плотно сжаты, что видно даже несмотря на то, что у отца недлинная густая борода.

– Ты знаешь, что это?! – рычит отец, переходя сразу к делу.

Кошусь на зажатые в его кулаке бумаги и осторожно отрицательно качаю головой. Чувствую себя так, как будто передо мной бешеный пёс, готовый в любой момент вцепиться в горло, чтобы перегрызть. Лучше не злить...

– Это, Мирьям, распечатки с уличной камеры возле отеля «Парадайз», которые успел мне передать приближённый человек, работающий... Отгадай, где? В полиции!

Задерживаю дыхание, с силой вцепившись в ручку двери. На случай, если отец решит принять более жесткие меры, обдумываю пути отхода.

– Закрой дверь! – повышает голос отец, когда видит, что я хочу выйти, и добавляет: – Да не с обратной стороны!

Я, дрогнув, молниеносно выполняю его требование.

– Ты, – шипит он, бросая в мою сторону распечатки, которые разлетаются в хаотичным беспорядке по кабинету, – самое огромное разочарование в моей жизни!

Делаю шаг назад, словно от обжигающей пощёчины.

– Пап, там стройка. Никого не было!

– Иди сюда! – продолжает отец и тянется к ремню на своих классических брюках.

Впервые пугаюсь по-настоящему. Чувствую, как начинает дрожать подбородок, как тогда – в детстве, когда отец понял, что из меня не выйдет выдающейся скрипачки. Его разочарование навеки запечатлено на моей спине в виде тонких узоров, пересекающихся друг с другом. Сердце испуганно сжимается, но я в характерном жесте скидываю подбородок.

– Я знаю, что виновата, и понесу наказание, но пороть себя не позволю! – несмотря на уверенность в словах, голос срывается и дрожит.

– Да что ты говоришь?! – в глазах отца пылает ярость. Он делает резкий выпад и хватается меня за руку. – Тебя, сопливу, не спросили, как воспитывать. Надо было давно выбить из тебя спесь!

Он заводит мою руку за спину, и я громко вскрикиваю от неожиданности, пытаюсь вывернуться из крепкого захвата. Отец заносит руку и через мгновение опускает ремень на чувствительную кожу.

– Проси прощения, Мирьям, и я подумаю над тем, чтобы остановиться!

Между лопаток нещадно горит от удара тяжёлой железной пряжкой. Ненавижу себя, когда ощущаю, как из уголков глаз начинают сочиться слёзы. Я почти не чувствую, как горьковато-соленые потоки заливают лицо. Лишь упрямо сжимаю губы, с которых то и дело срываются болезненные стоны.

– Нет!

Отец заносит руку для очередного удара. Его глаза горят такой злобой, что я зажимаюсь, не в силах смотреть на своего мучителя. Проходит мгновение, затем ещё... но я не чув-

ствую боли, лишь слышу какой-то странный хрип, а затем понимаю, что свободна. Открываю глаза и шокировано смотрю, как Давид сжимает пальцы на горле моего отца, который корчится от нехватки воздуха в стальном захвате пальцев Садулаева. Лицо отца багровеет. Он издаёт похожие на рычание звуки.

– Давид! – испуганно кидаюсь к мужчине, почти повиснув на его мускулистой руке, которая даже не дрогнула от моего веса. – Не надо! Боже! Пожалуйста!!!

Когда мои слова достигают цели, Давид нехотя разжимает пальцы и отец, задыхаясь и кашляя, хватается руками за шею и оседает на пол, словно куль с цементом.

– Ни-ког-да. Не смей. Трогать. Ее! – чеканит каждое слово Давид, выделяя интонацией «никогда». Жених без сожаления и раскаяния разглядывает моего согнувшегося в три погибели отца, после чего решительно добавляет: – Убью!

ГЛАВА 10

Мирьям

Слова жениха звучат так зловеще, что я, испугавшись, вновь обхватываю пальцами его большой кулак.

Давид оборачивается ко мне. В отражении чёрных глаз я все ещё вижу искры ярости, порождённые действиями моего отца.

– Мирьям, иди к себе. Я поднимусь позже.

Желваки на скулах Давида ходят ходуном. Широкая грудь быстро вздымается и так же быстро опускается. Мужественные черты лица обострились, сделав его похожим на опасного хищника. Черная пума – вот какие ассоциации вызывает броская внешность Давида.

Отец тяжело дышит, раз за разом разрывая лёгкие лающим кашлем, и у меня складывается ощущение, что удушающий приём Садулаева доведён до совершенства.

– Давид... – шепчу испуганно, не разжимая пальцы.

– Хоть раз послушай меня и сделай, как прошу, – что-то в голосе Давида дает мне понять, что лучше не спорить – не время.

Разворачиваюсь и без лишних слов бегу к двери. Остатки адреналина в крови расщепляются, и я начинаю ощущать жжение на коже. Оно не идёт ни в какое сравнение с жжением в моей груди. Впервые у меня появляется желание сделать, как велено. Не подслушивать, не дерзить, а именно отправиться в свою комнату и терпеливо дожидаться появления Давида. Несусь со всех ног наверх и подбегаю к окну, чтобы распахнуть его настежь. Дышу полной грудью, почти задыхаясь от того, в каких количествах кислород поступает в лёгкие. Щеки вспыхивают мучительным жаром, когда я осознаю, что Давид стал невольным свидетелем безобразной сцены между мной и отцом. Он увидел мое унижение... Но самое главное – он защитил меня! Страшно представить, что было бы с моей спиной, не появившись Садулаев так вовремя. Хорошо, он не видел, что отец уже успел меня ударить. Мне кажется, он бы сдержал свое обещание.

Завожу руку за спину, ощущая под пальцами припухшую длинную борозду. Все не так страшно. Как оказалось, правильно говорят – у страха глаза велики! Меня все ещё подташнивает и потряхивает от пережитого, поэтому я глубоко вдыхаю теплый воздух, пытаюсь отвлечься от произошедшего. Взгляд рассеяно скользит по цветнику матери, и меня передергивает от вида идеальной рассады. Везде всего лишь чертова видимость идеальной жизни, а мы в ней всего лишь актеры. Всхлипываю, когда замечаю возле ворот огромный чёрный «Джип» Давида. Он приехал сразу, как только смог, несмотря на все, что я натворила.

Дверь скрипит, и я непроизвольно оборачиваюсь, встречаясь с такими же, как у меня, зелёными глазами матери. В них стоят непролитые слёзы. В их отражении вижу себя маленькую – испуганную, задерганную вечными придирками отца. Сколько раз я винила мать в детстве, что она выбирает его, а не меня? Встает на его сторону, никогда не защищает меня. К чему сейчас это театр лицемерия?

– Мирьям, детка...

Отворачиваюсь к окну. Не хочу.

– Иди, мама. В этот раз я сама виновата.

Не слышу ответа, но, когда моих плеч касаются нежные руки матери, вздрагиваю.

– Мне стоило уйти от него много лет назад, – всхлипывает мать, роняя на мою кожу капли слез.

Они уже меня почти не трогают. Слишком часто вижу их, слишком громкие слова срываются с ее губ.

– Зачем ты это говоришь? – устало спрашиваю, оборачиваясь к ней. – Мы обе знаем, что ты никуда не уйдёшь ни сейчас, ни через несколько лет.

– Прости меня доченька, – мать гладит меня по распушенным волосам, продолжая плакать. – Прости за все.

Уверенный стук в дверь заставляет ее прервать причитания и стенания.

Дверь открывается и в спальню без приглашения входит Давид. Он выглядит таким мрачным, что будь мы не знакомы, я бы подумала, что передо мной глава какого-нибудь картеля.

– Ольга Владимировна, – сухо обращается Садулаев к моей матери, которая отвечает ему странной дрожащей улыбкой, – вы не против, если мы с Мирьям останемся наедине? – и тут же добавляет. – Само собой разумеется, всего на пару минут, – Давид прячет руки в карманы брюк, ожидая ответа.

Мама прикусывает губу и кивает. Когда мать уходит, ее ноги в домашних туфлях совершенно бесшумно ступают по ковру. Когда за ней закрывается дверь, Давид тут же разводит руки в стороны.

Мне не требуется дополнительного приглашения, и я без раздумий импульсивно бросаюсь в его крепкие объятия. Как за столь короткое время человек, который вызывал во мне настороженность, раздражение и даже злость, стал мне защитником? Тем, кому я могу показать свое истинное лицо и чувства. С ним я почти не притворяюсь, почти такая, какая есть. Только вот я сама потерялась и не знаю, какая я настоящая...

Сердце Давида бьется так сильно, что, кажется, еще чуть-чуть и прорвется через грудную клетку. Аромат кедра, ставший таким родным, заполняет каждую мою клеточку, и я реву так горько, как никогда, заливая рубашку Давида обильными слезами. Кажется, из меня разом вышел весь тот поток слез, что копился долгие годы. Стискиваю пальцами материал рубашки, прижимаясь щекой к груди жениха. Он такой высокий, что без своих любимых каблучков я еле достаю Садулаеву до плеча.

– Он тебя не тронет, – успокаивает жених, сжимая крепкой рукой мою талию. Большой палец Давида касается обнаженного кусочка моего тела, и я чувствую, как это место горит сильнее, чем ссадина от удара ремнем. Давид пытается повернуть меня к себе спиной, но я с ловкостью кошки отскакиваю назад.

– Нет! – голос дрожит, и я перекидываю густую массу блестящих волос за спину. – Все в порядке.

Садулаев запускает пальцы в черные, как смоль, волосы и смотрит из-под бровей, а затем неожиданно делает мне возмутительное, на мой взгляд, предложение:

– Я могу тебя прямо сейчас забрать... к себе.

Густо вспыхиваю румянцем и опускаю глаза в пол, лишь бы не встретаться взглядом с блестящими ониковыми глазами Садулаева. Смотрю на пальцы своих босых ног, которые утопают в длинном мягком ворсе ковра. При других обстоятельствах я, скорее всего, вспылила бы или даже дала бы пощечину за такое неслыханное неуважение, но, справедливости ради, стоит отметить, что при нынешних обстоятельствах предложение более, чем уместно.

– У нас скоро свадьба, – добавляет весело Давид, от чего я еще больше тушуюсь. Ведь я только начала привыкать, можно сказать, свыкаться с этой мыслью. И я совсем не готова обсуждать это с Давидом. – Я думаю, ничего страшного, если... Я тебя не обижу, Мирьям, и никогда не сделаю того, чего ты не хочешь.

Дыхание перехватывает, когда понимаю, на что намекает жених.

– Нет! – снова заливаюсь краской от того, как это импульсивно это прозвучало. – То есть, спасибо, но правильнее будет остаться дома, я думаю.

– Хорошо, – соглашается неохотно Давид. – Мирьям...

Встречаюсь взглядом с женихом, и он буквально за пару шагов преодолевает расстояние между нами. Горячая ладонь касается моей щеки, и я шмыгаю носом совсем не так, как пододбает леди.

– Я приехал не один.

Растерянно моргаю, уже ощущая поднимающуюся волну стыда. Неужели Динара Исаевна?

– Минуту, – Давид выходит из комнаты.

Все, что мне остается – это ждать в напряжении его возвращения. Когда он приходит снова, я удивлённо во все глаза смотрю на небольшой комочек белой шерсти, удобно устроившийся в его руках. Прижимаю ладонь ко рту. Это же та самая кошка!

– Как ты ее назовешь? – интересуется Давид, когда я, совсем по-детски взвизгнув, прижимаю к себе это пушистое белое облачко. Поразительно, но у нее такой же цвет глаз, как у меня.

– Я подумал, – говорит Давид, задумчиво наблюдая, как я прижимаю к себе кошку, рассматривая симпатичную мордашку, – что тебе необходим кто-то, перед кем ты будешь чувствовать ответственность.

– Клоди*! – громко озвучиваю придуманное имя для кошки, точнее, котенка.

– Клоди? – смеется Давид, повторяя за мной. У него на щеках обозначаются обаятельные ямочки. – И почему я не удивлен?

**Клоди – английское имя: немного хромая.*

ГЛАВА 11

Мирьям

Спустя неделю

– Клоди, нет! – грожу пальцем кошке, когда вижу, что она нацелилась подрать острыми когтями дорогушие портьеры.

Что за невозможное создание?! Мягкая улыбка не покидает моего лица. За неделю, что питомица находится в моем доме, я прикипела к кошке всем сердцем. Породистая забияка, несомненно, была из рода персидских, о чем говорила средняя комплекция ее тела, широко посаженные небольшие ушки, маленькая мордочка с большими яркими глазами, приплюснутый нос и короткие лапы с сильными, крупными, округлыми основаниями и кисточками между подушечек.

Сегодня Давид должен вернуться из командировки. Он целую неделю был в Ставрополе. Кручу телефон в руке, вспоминая последнее смс, полученное от него.

«Соскучилась?»

С удивлением понимаю, что так и есть. Мне хочется увидеть его темные глаза, услышать бархатистый баритон, от которого где-то в груди все начинает медленно вибрировать и дрожать. Словно ожив своей жизнью, сотовый издает громкий сигнал, и я поспешно смотрю на дисплей. Отправитель: Садулаев Давид. Текст – одно слово -

«Выходи». Другая на моем месте, скорее всего, расценила бы это, как приказ, но передо мной, как наяву, появляются добрые карие глаза Садулаева.

Поспешно встаю с диванчика в стиле «Прованс», от чего пышная юбка коктейльного платья взлетает вверх. Сегодня я отдала предпочтение не совсем присущему для меня стилю – романтизм. Обычно я не изменяю своему выбору, раз за разом подбирая в гардеробе драму, плюс небольшой намек на натуральность. Да, сложное сочетание, но всегда эффектное. Провожу руками по плотной белой основе, что облегает верх фигуры, как вторая кожа. Ее покрывает прозрачная сетка, декорированная ажурным золотым узором и сверкающими серебристыми пайотками. Прозрачное декольте подчеркивает грудь и шею, а блестящий пояс из камней призван акцентировать внимание на тонкой талии, от которой красивыми складками спускается юбка средней пышности, доходящая до колен. Изящные туфельки телесного цвета добавляют моему росту целых семь сантиметров.

– Мирьям, какая ты куколка!

Восхищение в голосе мамы заставляет обернуться и я, скромно сложив руки перед собой, прикусываю губу. За то время, что Садулаев отсутствовал, я многое переосмыслила. Так хочется, чтобы и Давид оценил в полной мере мой образ.

– Думаешь? – спрашиваю, нервно прикасаясь к красиво уложенным на одно плечо волосам, в которых блестит заколка, отделанная крупным отборным жемчугом.

– Да, милая. Ты очень красива, – в глазах мамы плещется хорошо читаемая материнская гордость.

Возвращаю ей улыбку. В последнее время наши отношения улучшились, стали не такими напряженными. Та «взбучка», что устроил Садулаев моему отцу, ворвавшись, как сметающий все на своем пути смерч, каким-то волшебным образом изменила мою семью и царившую в ней атмосферу, затронув всех домочадцев – без исключения. Теперь я в полной мере поняла значение слов: если не можешь заставить кого-то любить и уважать себя – это сделает за тебя

страх. Никто больше не тронет меня, не обидит. За моей спиной незримо стоит Садулаев Давид Мансурович.

Отец на протяжении всего времени делает вид, что ничего не случилось, поэтому я без лишнего гонора тоже включилась в эту игру. Может, конечно, всему этому поспособствовало и то, что родители помирились. Ни для кого не секрет, что Руслан Таирович Юсупов с треском выгнал из филиала высокую блондинку модельной внешности, отправив охочую до чужих мужей девицу на вольные хлеба. По мне, так это совершенно не оправдывает отца, но я всегда готова поддержать мать, лишь бы она была счастлива. К моему огромному удивлению, родители решили, что им необходимо отправиться на острова, чтобы провести, как они это обозначили, «второй медовый месяц».

– Мирьям, доченька, – мама подходит ко мне и берет за руку. Ее пальцы такие прохладные, что я борюсь с желанием сжать их посильнее, чтобы согреть. – Не злись на отца.

Мои плечи словно каменеют, и я отвожу взгляд.

– Вся родня отказалась от Руслана из-за того, что он выбрал меня...

Возвращаю взгляд, когда мама настойчиво сжимает мою ладонь.

– Поверь, это не просто, когда отворачиваются близкие. Он стал изгоем, белой вороной. Внимательно слушаю, ощущая, как в горле образуется тяжелый комок. Я не знала этого.

– Чтобы мы жили в достатке, работал день и ночь. Брался за любую грязную работу, а ведь про таких, как твой отец, говорят «родился с серебряной ложкой во рту». Все это было ради нас, Мирьям.

Облизываю губы, забывая про то, что совсем недавно подкрасила их персиковой помадой. Не хочу показывать, какое впечатление произвели на меня слова матери. Я, конечно же, знала, что у отца напряженные отношения с родственниками, но никогда даже не задумывалась почему. Винула его скверный характер, радуясь тому, что бабушка с дедушкой никогда даже не приглашали нас к себе в гости. Я росла в обстановке лишенной участия дедушки и бабушки, без многочисленной родни, которая, казалось, нами вовсе не интересуется.

– Отец жёсткий, иногда чересчур, но он любит тебя, Мирьям. Просто жизнь научила его быть таким. Благодаря воле и характеру он достиг высот. Юсуповы теперь даже при большом желании не могут нас игнорировать. А твой брак с Давидом окончательно укрепит положение нашей семьи в обществе.

В уголках глаз начинают собираться слезы. Я быстро моргаю, чтобы прогнать их прочь. Как ни крути, а меня выбрали инструментом в достижении своих целей. Мне сказочно повезло, что Давид хороший человек.

– Отец плохо умеет выражать чувства, но в тот день, когда случилась авария, он очень испугался за тебя, дочка. Никогда не видела его таким.

Скептически приподнимаю бровь. В отличие от мамы, я в этом так не уверена.

Не хочется портить настроение, да и Давид ждет, поэтому я отстраняюсь от мамы и иду к двери.

– Мирьям?

Замираю, сжав круглую ручку, прежде чем переступить порог.

– Милая, мы решили пораньше вылететь. Так что, увидимся теперь только через неделю.

Оборачиваюсь к маме. Ее зеленые глаза впервые за долгое время счастливо блестят. Не могу на нее наглядеться. Сегодня она по-особенному красива, словно греческая статуя. Всегда удивлялась ее умению выглядеть такой изящной, но, вместе с тем, преисполненной какого-то внутреннего достоинства. Неудивительно, что отец ради нее пошел на такой отчаянный шаг, встав против семьи. Мне хочется сказать ей так много, но вместо этого с губ срывается суховатое «до встречи».

Спускаясь по лестнице, я замечаю стоящего в гостиной отца. Как всегда, его лицо напряжено, брови сведены, в руке крепко зажат наполненный наполовину стакан. Когда я останавливаюсь на последней ступени, отец громко прочищает горло.

– Мать уже сказала, что мы вылетаем через пару часов?

Киваю без слов, сжимая пальцами лестничные перила так, что ободок от кольца больно впивается в кожу.

– Твой день рождения был два месяца назад... – отец запинается и неловко проводит рукой по затылку. – Зайдешь в мой кабинет, там подарок на столе для тебя.

Не знаю, что на это сказать, поэтому просто благодарю:

– Спасибо, – преодолеваю последнюю ступень.

Отец сдержанно кивает. Его узловатые пальцы нервно поправляют галстук.

– Хорошо тебе отдохнуть, дочь.

Я знаю, что такое злость, что такое грусть, боль одиночества... но то, что сейчас меня переполняет, смущает до слез. Именно поэтому я спешу, не оборачиваясь, к выходу из дома.

ГЛАВА 12

Мирьям

Как только я выхожу из усадьбы, вдыхаю полной грудью пропитанный душистой жимолостью воздух. Волнуюсь так, как будто впервые в жизни увижу Садулаева Давида Мансуровича. Щёки покрывает нежный румянец, а все потому, что мое отношение к Садулаеву изменилось. Я увидела его совсем с другой стороны – не с той, с которой привыкла думать о мужчине. Заботливый, нежный, надежный. Мой жених.

Дверь черного «Джипа» открывается и мое сердце замирает, когда я вижу Давида. Я почти не дышу, глядя в его мужественное лицо. Сочетание темно-серого костюма и фиолетовой классической рубашки в вертикальную полоску создает стильный ансамбль и безумно идет Садулаеву. Давид выглядит дерзко, словно бросает вызов привычному обществу снобов. Останавливаясь возле него, окутывая мужчину сладко-цветочным восточным ароматом с нотками спелого апельсина.

– Привет, малышка, – хриплый голос ласкает мой слух, заставляя скромно прикрыть ресницами глаза блестящие, как драгоценные изумруды.

Суровое выражение лица Садулаева мгновенно меняется и он, улыбнувшись, наклоняется, чтобы оставить на моей щеке мимолетный целомудренный поцелуй.

– Думал все время о тебе. Даже, казалось, свихнусь, – усмехается Давид, подмигивая, от чего путает карты, заставляя догадываться – шутка это или мужчина говорит всерьез.

Не дожидаясь от меня ответной реакции, заглядывает на заднее сидение автомобиля и в его руках оказывается прелестный букет. Никогда не получала ничего подобного. Он собран из ароматных ирисов, дополнен слегка распустившимися пионовидными розами, но настоящую изюминку букету придают засушенные колосья и полевые цветы.

– Боже, как красиво, Давид! – прижимаю благоговейно букет к груди, ласково притрагиваясь к нежным лепесткам ирисов.

– Рад, что сумел угодить самой привередливой и невыносимо капризной девушке нашего юга, – решает подколоть жених.

– Лестью не смягчить мое сердце, Давид. Можешь не стараться, – игриво щебечу, поддерживая образ, на который намекает жених.

Мои слова вызывают хриплый смешок у Садулаева и он мягко, но настойчиво, берет меня за локоть, приглашая сесть на переднее сидение автомобиля.

«Ред Фокс» встречает нас приятной ненавязчивой музыкой. С интересом разглядываю один из лучших ресторанов южного региона России. Все выдержано в одном стиле: цветовая гамма варьируется от мягких кремовых до теплых, «вкусных», шоколадных оттенков.

К нам подходит молодой мужчина в униформе и вежливо обращается к Давиду:

– Господин Садулаев, прошу, – указывает рукой в нужном направлении. – Я провожу вас к вашему столику.

Моя рука слегка трепещет на сильной ладони Давида. Так волнительно. Я еще никогда не была на настоящем свидании. Только присев на невысокий обтянутый коричневым бархатом диван, успокаиваюсь. Столик находится в скрытом от чужих глаз месте, в глубокой нише.

Молодой человек кладет перед нами меню, обложка которого выполнена не больше не меньше, а из телячьей кожи. Чтобы как-то занять руки и не так смущаться под взглядом Садулаева, принимаюсь изучать ассортимент ресторана. Разнообразие меню поражает уникаль-

ными авторскими рецептами с использованием местных сезонных продуктов и блюд на мангале. Растерянно перелистываю меню, глаза разбегаются и я, кажется, не в силах сделать выбор.

– Здесь отлично готовят перепелок с гарниром из риса и шиттаке, – подсказывает Давид. – Из напитков, уверен, тебе понравится имбирный коктейль со сливками.

Благодарно улыбаюсь. Не хочется лишней фразой испортить вечер. Но ведь и молчать весь ужин не получится? Прикусываю губу, нервно притрагиваясь к камню на своем кольце. Чувствую себя такой робкой, словно героиня какой-то романтической стариной ленты, из-за этого ощущаю какой-то диссонанс. Ведь если быть справедливой, самая подходящая для меня роль, которая если бы мне досталась, несомненно, была бы роль Скарлетт О'Хара. Интересно, а Давиду пошли бы усы? Поднимаю глаза и еле сдерживаю смех, разглядывая лицо Садулаева, представляя его с густыми залихватски подкрученными усами. Совсем как у истинного южанина из фильма «Унесенные ветром».

– Мирьям, малышка, – Давид, усмехается, блестя ониксовыми глазами, замечая, как мои губы дрожат, – наконец-то я слышу этот чудесный смех дьяволенка. Честно слово, я уже начал переживать, не заболела ли моя дерзкая кошечка.

Пожимаю плечами и скромно улыбаюсь.

– Нет, я себя хорошо чувствую.

– Ну, мало ли, – продолжает Давид, слегка сощутив темные глаза и неторопливо подливая в высокий стакан минеральную воду. – Может быть, ты такая, потому что случилась какая-то неожиданность? Не хочешь мне ничего сказать? Ммм, Мирьям?

Мое имя в его устах звучит, словно сладкая потока. Жених приподнимает вопросительно широкую бровь, и я меня бросает в краску от того, что, кажется, догадываюсь, на что намекает Садулаев.

– Я не беременна, – лепечу, сжимая пальцами льняную кремовую салфетку, лежащую на коленях.

Не то, чтобы я уверена, но кто беременеет после одной ночи?! Глупости! Щеки горят, пока Давид ласкает мое лицо внимательным взглядом. На его щеке появляется обаятельная ямочка, и Садулаев преувеличено громко с сожалением вздыхает.

– Жаль, но, может быть, это к лучшему, – темные глаза подсвечиваются миллиардами искр. – Будет больше времени узнать друг друга.

Я не замечаю, когда приносят наш заказ – так увлечена разговором с Давидом. Даже не думала, что у нас так много точек соприкосновения.

– Знаешь, малышка, я был гостем на мероприятии, где мне представили одного человека. Настоящего профи своего дела, можно сказать, легенда, – Давид усмехается и отодвигает полы пиджака с правой стороны от сердца. – Он не смог мне отказать, и я взял на себя смелость попросить его об одном одолжении.

Давид вынимает руку из-под полы. В сильных пальцах Садулаева небольшая матовая коробочка, покрытая синим напылением бархата.

Затаив дыхание, широко раскрыв глаза, смотрю, как Давид открывает крышку. Передо мной появляется браслет из европейского золота, инструктированный изумрудами и брильянтами. Губы сами приоткрываются, принимая форму буквы «о». Он само совершенство! Элегантный и изысканный. Такое чудо бывает только на заказ. Ни один ювелирный магазин не сможет похвастаться таким изделием даже для VIP-клиентов. Словно зачарованная, протягиваю руку вперед. Прежде, чем надеть на мое тонкое запястье изделие, Садулаев не упускает возможности прикоснуться горячими губами к коже руки.

– Когда я его заказывал, – доносится голос Давида, который звучит откуда-то издалека. Жених аккуратно застегивает браслет, – уже четко представлял, что хочу видеть в итоге. Конечно, эти камни – лишь жалкое подобие оттенка твоих глаз, но все же...

Таю от каждого слова Давида. Уже почти ненавижу себя за все выходки, которые обрушила не так давно на голову Садулаева. Но кто же знал, что он окажется таким... таким... Глаза сами мечтательно прикрываются, и я слышу хриплый смешок Давида.

– Я, конечно, подозревал, что тебе со мной скучно, но не настолько же, чтобы уснуть, малышка!

– Давид, это самый чудесный подарок, какой мне дарили за всю жизнь, – говорю искренне, растроганная такой внимательностью и чуткостью Садулаева.

– А как же Клоди? – хрипло спрашивает Давид, притрагиваясь большим пальцем к серединке моей ладони.

Камни красиво переливаются в свете огромных люстр ресторана и я, мило улыбнувшись, искренне отвечаю:

– Клоди – вне конкуренции.

Припарковав автомобиль на территории дома, Садулаев поворачивается ко мне всем корпусом. Поза жениха обманчиво расслабленная, но глаза опасно мерцают. Я, будто хрупкая лань, замираю под его страстным по-хозяйски уверенным взглядом. Должно быть, так кажется от того, что его глаза очень темные, по-дьявольски притягательные.

– Спасибо за вечер, малышка, – благодарит Садулаев.

От звука хриплого голоса Давида по моему телу бегут мурашки. Мне так хочется притронуться к его красиво очерченным скулам, покрытым легкой щетиной, что ладони покалывает. Приоткрываю губы под пристальным взглядом жениха. Он буквально прожигает меня, плавит... Боже, зачем он так смотрит?

– Ты когда-нибудь пробовала настоящий бразильский кофе? – задает странный вопрос Давид, заставляя меня встрепнуться и оторвать взгляд от волевого мужественного подбородка. – Не то фуфло в пакетиках, а настоящий – зерновой.

– Не очень разбираюсь в кофе, – признаюсь, не испытывая ни капли стыда. На всякий случай, не озвучиваю Садулаеву, что предпочитаю травяной чай.

Давид наклоняется ближе, и я вздрагиваю, когда сильные пальцы осторожно убирают темные пряди волос с моей щеки.

– Ты для настоящего искушения, Мирьям, – откровенно признается Давид, разглядывая с видимым обожанием каждую черточку моего лица. – Твои родители уехали. Даже не представляешь, с какими демонами я борюсь, чтобы прямо сейчас, наплевав на все установки, не увезти тебя к себе, чтобы... угостить чашечкой кофе.

Я не настолько наивна, чтобы не понимать, что дело далеко не в кофе. Облизываю кончиком языка внезапно пересохшие губы. Давид наклоняется так близко, что я ощущаю на губах его горячее дыхание. Капитулирую с легким стоном, когда его рука властно и бескомпромиссно обхватывает мою талию. Эта мужская настойчивость заставляет мое сердце трепетать, словно пойманная птичка в опытных руках охотника. Твердые губы за доли секунды сминают мои, заставляя выгнуться навстречу всем телом. Дерзкий настойчивый язык врывается меж моих губ, заполняя пространство настойчивыми жадными толчками. Я словно неприступная крепость, которую штурмуют раз за разом. Голова кружится, и я таю... Слишком сладко, слишком хорошо, откровенно. Эта ласка намного интимнее, чем просто обычный поцелуй, и я задыхаюсь от нехватки кислорода, цепляюсь пальцами за его пиджак, словно утопающий за соломинку.

Давид, наконец, сжавшись над моей невинностью и неопытностью, выпускает из плена припухший саднящий рот и обрушивает цепочку из не менее темпераментных огненных поцелуев на мою беззащитно открытую его губам шею.

– Мирьям, любимая, – Садулаев чувственно прикусывает ключицу острыми зубами, – поехали ко мне...

Пользуясь моим смятением и полной дезориентацией, широкая мужская ладонь пробирается под корсаж платья, сжимая упругую трепещущую округлость. Что-то протестующе пишу, но Давид игнорирует мои несмелые протесты. Несомненно, понимает своим мужским чутьем, что отказ продиктован неопытностью и предрассудками.

– Очень сладкая девочка, – порочно шепчет Садулаев в мои приоткрытые влажные губы. – Не знаю, как доживу до нашей свадьбы.

Он опускает корсаж ниже, открывая вид на соблазнительную глубокую ложбинку между пышными полушариями. Чувствую ладонью, как в груди Давида, словно отбойный молоток, лупит по ребрам сердце. Почему-то меня приводит в дикий восторг, что это именно я так действую на этого красивого мужчину.

Неожиданно территорию заливают резкий яркий свет, и я поспешно отстраняюсь от Садулаева. Лихорадочно опуская вниз непослушными пальцами неприлично сбившуюся к талии юбку, привожу себя в порядок.

– Черт! – с досадой ругается Давид, поправляя ширинку.

Поспешно отвожу взгляд от его топорщащихся брюк, ощущая, как щеки горят алой краской.

– Мирьям Руслановна? – раздается издали голос Евгении, которую хорошо слышно через приоткрытое окно «Джипа».

– Иду, – голос дрожит и прерывается от пережитой только что страсти.

Давид проводит пятерней по своим смоляным прядям волос

– К черту! – порывисто вновь наклоняется ко мне и аккуратно обхватывает пальцами мой округлый подбородок. Жених нежно целует в губы – так, как будто вовсе не мы только что сгорали в дьявольском пламени.

– Беги, – целует мои дрожащие прикрытые веки, – пока я тебя не украл, Мирьям Юсупова.

Взбудораженная, с невольной улыбкой на припухших, совсем без следов помады губах, спешу к дому по выложенной камнем дорожке, цокая каблучками. Прижимаю ароматный букет к груди, а в ушах эхом, словно на повторе, звучит низкий хриплый голос Давида:

«Неспокойных тебе снов, милая...»

ГЛАВА 13

Мирьям

– Мирьям!!!

Что это было? Испуганно открываю глаза и за доли секунды принимаю вертикальное положение, подхватываясь на кровати. Сердце бьется как-то рвано – толчками. Облизываю пересохшие губы, оглядываясь по сторонам. Я отчетливо слышала голос мамы. Клянусь, это было так... реально. Поспешно убираю со щеки липкие от пота пряди волос. На часах три ночи. Может быть, они вернулись?

– Мама?! – мой голос звучит так пронзительно и потерянно в абсолютной тишине, что я испуганно обхватываю себя за плечи.

Почему так холодно? Даже пальцы озябли. Кажется, если подуть в воздух, то увижу полу-прозрачное облачко пара. Но это невозможно! Лето... Прежде чем спустить ноги с кровати, я отчетливо слышу со стороны лестницы быстрый топот ног и негромкие прерывающиеся голоса. Тяжело сглатываю. Что происходит?! Пытаюсь медленно вдохнуть побольше воздуха, чтобы хоть чем-то заполнить острую скребущую пронзительную пустоту внутри, но ничего не выходит. Глотки воздуха небольшие и беспорядочные. Откуда во мне эта беспричинная паника?

Такое впечатление, что в грудь с размаху ударила огромная ледяная волна. Теперь ее злые брызги зверски режут на лоскуты все внутренности. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Рука сама тянется к быстро вздымающейся груди – туда, где по ощущениям ледяные пальцы великана кровожадно сжали бьющееся в агонии сердце.

Босые ноги несут меня в сторону двери. Повернув ручку, жмурюсь, когда по глазам резко бьет свет. Замираю, словно перепуганный олененок в свете фар.

Евгения, всхлипывая и захлебываясь в рыданиях, что-то говорит нашей экономке. У обеих женщин на лицах отражается неподдельный ужас.

– Что случилось? – резко обрываю эту вакханалию.

Тревожно перевожу взгляд с одного лица на другое. Меня не оставляет чувство надвигающейся непроглядной, как дѣготь, беды. Если бы можно было бы сказать, что я чувствую ее запах, то я бы могла поклясться, что она пахнет чем-то горьким, приторным, омерзительно едким. Дрожь берет.

– Мирьям Руслановна, – Евгения что-то хочет сказать, но из ее голубых глаз потоком льются слезы. Девушка зажимает рот ладонью. – Не могу я... не могу, Валентина Андреевна!

До глубины души пораженная звучащим в голосе Евгении отчаянием, перевожу взгляд на экономку.

Дородная женщина нервно комкает в руках платок. Я не могу не заметить, как дрожат полные пальцы. В серых, блеклых от возраста глазах Валентины Андреевны отражается глубокое сочувствие.

– Крепись, девочка, – экономка хлюпает покрасневшим носом и жалостливо качает головой из стороны в сторону. – Все произошло так быстро. Горе какое! Такие молодые... еще жить да жить!

Меня начинает колотить крупная дрожь. Страх сменяет приступ ярости и отчаянья. Я вся трясусь, когда цежу сквозь зубы:

– Что вы несете?! Где мои родители?!

Не дождавшись ответа, несусь мимо Евгении к лестнице, нечаянно задевая по пути брюнетку плечом. Девушка охает от боли и неожиданности и делает шаг назад. Не обращая ника-

кого внимания на прислугу, бегу вниз по ступеням. За спиной доносятся безобразные, уродливые, лживые слова, которые никак не могут относиться к моей семье! Ведь так, черт возьми?! Так?! Катастрофа, отказали двигатели... Почти мгновенная смерть. Я даже не чувствую под собой ног. Меня будто несут крылья, только вот они поражены адским огнём. Оно плавит меня, разъедая кожу, кости, душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.